

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 35 (3691)

Четверг, 21 марта 1957 г.

Цена 40 коп.

К СОРОКАЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

ГОД БОЛЬШОГО РАСЦВЕТА

★ Одна библиотека на 1500 жителей.

- ★ Десять миллионов книг и брошюр за год.
- ★ Новый литературный журнал.
- ★ Премьеры оперных и драматических театров.
- ★ Культурные связи с братскими республиками и зарубежными странами.

Продолжаем публикацию бесед с министрами культуры союзных республик о наиболее интересных событиях культурной жизни, которые произойдут в юбилейном, 1957 году. Сегодня на вопросы корреспондента «Литературной газеты» отвечает министр культуры

Азербайджанской ССР М. Курбанов.

Вопрос. Расскажите, пожалуйста, о наиболее важных успехах в культурном строительстве, с которыми подходит республика к 40-летию Великого Октября.

Ответ. Вот вопрос, на который не ответить в нескольких словах. Возьмите хотя бы область народного образования, эту основу всякого культурного прогресса. Сегодня, в юбилейном году, в наших школах учится, например, свыше 600 тысяч юношей и девушек, больше, чем в Иране, Ираке и Турции, вместе взятых, хотя население в каждой из этих стран в несколько раз превышает население нашей республики. У нас около 35 000 студентов; по размаху подготовки специалистов Азербайджан оставил позади такие государства, как Голландия и Бельгия. В республике работают 83 различных научных учреждения, своя Академия наук, среди ученых — 160 докторов и 1 500 кандидатов наук.

А как вы спрос на книги! Нет у нас села (я не говорю уже о городах), где не было бы своей библиотеки. Одна библиотека у нас приходится на 1 500 человек. Мы из года в год увеличиваем выпуск книг в том числе художественной литературы, а спрос полностью все же не можем удовлетворить.

Вопрос. Какие новые книги выйдут в этом году?

Ответ. Мы выйдем в юбилейном году десять миллионов экземпляров книг и брошюр.

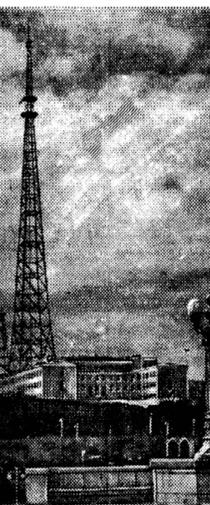
Непосредственно в распоряжении Советской власти выйдут такие произведения художественной литературы: новое издание поэмы Р. Раа «Ленин», роман А. Абулгасана «Мир рушится», рассказывающий о первых месяцах Советской власти в Азербайджане, книга Г. Ахундова «Друзья дней суровых» — о годах войны; повесть Ш. Абасова «Новый председатель» посвящена сегодняшней колхозной деревне.

Будет выпущен специальный юбилейный литературный альманах.

Новых книг много — они выходят и на азербайджанском, и на русском, и на армянском, и на других языках. Скоро читатели получат первый номер нового литературно-художественного журнала «Грань Азербайджана».

Вопрос. Какие новые постановки и кинофильмы выйдут в 1957 году?

Ответ. Государственный драматический театр имени Азизбекова покажет пьесу Д. Меджидбекова «Бухта Ильича», посвященную восстановлению и развитию нефтяной промышленности Азербайджана и деятельности

Здание и новая мачта Банинского телецентра в районе Нагорного плато. Фото Г. Мочейниса

С. М. Кирова в Баку, пьесу Сулеймана Рустамова о народном герое Гагаб Наби, пьесу Энвера Мамедханлы «Ширван гезали»; Театр оперы и балета имени М. Ф. Ахундова — оперу «Азад гыз» композитора Дж. Джангирова (либретто Г. Гусейнзаде), в новой постановке — оперу Уз. Гаджибекова «Кер Оглы». В Русском драматическом театре имени Самеда Вургуня будет осуществлена постановка пьесы Д. Зорниа «Вечный источник».

Новые постановки покажут Театр юного зрителя в Баку, Кировский драматический театр Нахичеванский, Степанакертский и Кубинский театры.

За последнее время значительно улучшилась работа Бакинская киностудия. Завершена работа над кинофильмом «Черная скала» (сценарий Мехти Гусейна), рассказывающим о жизни и труде нефтяников Каспия. На днях на экраны выйдет фильм «Я буду жить» по сценарию Назыма Хикмета и А. Гегичева. Заканчиваются съемки картины «Под знойным небом». В производстве находится и цветная кинокартина о Сулеймане Стальском.

Запущен в производство фильм «На дальних берегах» — о героических подвигах партизан в дни войны. Начнутся съемки картин: «Байрам — солдат революции» (установление Советской власти в Азербайджане), «Прощай, горы!» (о животноводстве).

Сорокалетию Великого Октября посвящен выпущенный недавно цветной полнометражный художественно-документальный фильм «Дорогой счастья» о достижениях

Азербайджанской ССР в области промышленности, сельского хозяйства и культуры.

Вопрос. Чем встречают юбилей композиторы и художники?

Ответ. Отмечу «Пятую симфонию» композитора Дж. Гаджибева, «Фантазия для фортепиано с оркестром» Э. Назировой, «Песнь нашего села» З. Багирова, «Песни Октября» А. Раева. Композиторы Ф. Амиров и Э. Назирова завершили работу над концертом для фортепиано с оркестром на арабские мотивы. Азербайджанская государственная филармония проведет ряд концертов-лекций, посвященных росту нашей национальной музыкальной культуры.

Много новых работ у художников. Будет организована большая республиканская выставка к 40-летию Великого Октября. Лучшие произведения наших художников будут экспонироваться и на Всесоюзной юбилейной выставке.

Художники Л. Керимов, К. Кязимзаде и И. Ахундов подготовили эскиз, по которому изготовляется большой художественный ковер, посвященный вождем Октябрьской революции В. И. Ленину.

Вопрос. Что нового можно сообщить о культурном обмене с другими республиками и с заграницей?

Ответ. Культурные связи с братскими республиками и с зарубежными странами сильно возросли. Наш оперный театр осуществил постановку оперы армянского композитора А. Тиграняна «Анун» и грузинского композитора З. Палиашвили «Данси». На гастроли в Баку приехали для выступления в этих операх артисты из Армении и Грузии. В свою очередь народный артист республики А. Буниатзаде и заслуженная артистка республики Ф. Ахмедова выступили в Эрзуруме в опере «Анун». Композитор Ш. Вадалбейли оказал помощь Туркменскому театру оперы и балета в постановке оперы «Кер Оглы» Уз. Гаджибекова.

Трудно перечислить артистов и коллективы братских республик, выступавших в Баку. Пообещали у нас украинская заслуженная артистка Капелла «Думка», армянский квартет «Армения», хор «Анун», армянские танцоры, Государственный академический хор Латвийской ССР и многие другие. Гости у нас китайские, румынские, индийские и бирманские деятели искусства, с успехом проходили фестивали кинофильмов, дружеские встречи.

Наш дирижер Низия посетил Чехословакию, где выступал на концертах. Писатель Мехти Гусейн недавно вернулся с

конференции писателей стран Азии; были наши представители и в составе делегации советских кинодеятелей, едущих в Сирию.

Вопрос. Какие новые культурные учреждения открываются в 1957 году?

Ответ. В настоящее время в Азербайджане строится много культурных учреждений. Назову здания кинотеатра и драматического театра и публичной библиотеки в Баку, театра и библиотеки в Нахичевани, домов культуры в Ахали, Хачмахе, в Масаллах. Астаре, кинотеатров в Кировоабаде, Ленкорани, Шемахе, Нухе. Особенно много очагов

культуры сооружается в молодом городе металлургов — Сумгаите; и Дом культуры алюминиевого завода, и Дворец культуры завода синтетического каучука, там же вступили в строй Дом культуры строителей с летним кинотеатром и городской кинотеатр имени Вагифа.

Замечательный подарок получили недавно жители нашей республики — Бакинский телевизионный центр. Передача его принимаются сейчас более чем на пяти тысячах телевизоров в Баку, не считая других городов и сел республики. БАКУ. (Наш корр.)

Русский характер

Ефим ПЕРМИТИН

Новый рассказ М. Шолохова «Судьба человека» уже прочитали миллионы — не только многонациональный народ Советского Союза, но и за рубежом.

Непрерывающийся поток писем в адрес автора, редакций газет, опубликованных рассказов, радостным, несколько раз передавшим его в эфир, говорит об исключительной силе воздействия этого произведения на читателей и слушателей, об огромной его «отдаче».

В чем секрет такого успеха нового рассказа М. Шолохова?

Мне думается, что литературоведы и о «Судьбе человека», как о «Тихом Доне» и «Поднятой целине», напишут свои исследования. Простедят за стилистическими особенностями рассказа и их связь с предыдущими произведениями писателя, за бросающейся в глаза главной чертой художественного своеобразия М. Шолохова: драматизмом ситуаций, в которых он изображает своих героев.

Здесь же, в рамках газетной статьи, я хочу сказать только о глубоком раскрытии автором национального русского характера и о народности М. Шолохова.

Трагедия плененного советского солдата, вытерпевшего все ужасы плена, потерявшего любимую семью, а в самый последний день войны лишившегося и единственной радости и опоры — героя-сына и все-таки нашедшего в себе силы жить, силы любить приемного сироту-ребенка. Жить, мучаясь смертельной тоской по погибшим близким, и все-таки работать, и все-таки надеяться, — таково краткое содержание рассказа.

«Два осиротевших человека, две песчанки, заброшенные в чужие края войной ураганом невнятной силы... Что-то ждет их впереди? И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек негибкой воли, выдюжит, и ополохотворенная плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет все вытерпеть, все преодолеть на своем пути, если к этому позовет его Родина», — так размышляет автор, наблюдая, как пошел от него Андрей Соколов и как «младчик... пристроился справа и держался за полу отповского ватника, засеменяя рядом с широко шагавшим мужчиной».

Ясное, убедительное своей простотой и суровой правдой, новое произведение М. Шолохова заставляет читателя негодовать и сопереживать, горячо любить и остро ненавидеть.

Перед нами новый незабываемый образ рядового советского солдата — Андрея Соколова. Человека, все вытерпевшего, все преодолевшего...

Как всегда, велико шолоховское искусство портретной лепки: оно свежо, до предела просто и выразительно.

Из двух-трех фраз, оброненных автором как бы мимоходом, читатель узнает, что Соколов «высокий сутуловатый», что рука у него «большая, черствая», а говорит он «приглушенным баском». И только после того, как рассказчик произнес первую фразу своего повествования: «Ну, и мне там пришлось, браток, хлебнуть горькоша по позари и выше», — перед нами тотчас же возникает его портрет, нарисованный одной-двумя незабываемыми чертами.

«Он положил на колени большие темные руки, сгорбился. Я сбоку взглянул на него, и мне стало что-то не по себе... Видели вы когда-нибудь глаза, словно присыпанные пеплом, наполненные такой неизбывной смертной тоской, что в них трудно смотреть? Вот такие глаза были у моего случайного собеседника».

Так же кратко и до физической осязаемости ярко вылеплен портрет и второго персонажа рассказа: «Командантом лагеря, или по-ихнему лагерфюрером, был у нас немец Мюллер. Невысокого роста, плотный, белокрылый и сам весь какой-то белый; и волосы на голове белые, и брови, и ресницы. Даже глаза у него были белесые, на выкате».

И хотя дальше на протяжении всего рассказа автор ни разу не упоминает ни о глазах Соколова, ни о белокрылости Мюллера, они уже не забываются.

А образ суровой, умной жены Андрея Соколова, сироты Принки, выросшей в детском доме!

М. Шолохов, Рассказ «Судьба человека», «Правда», 31 декабря 1956 г. и 1 января 1957 г. Издательство «Правда», 1957 г. 38 стр.; Библиотека «Огонек», № 7, 1957 г. 32 стр.

Своей преданностью, святой жертвенной любовью она напоминает нам прекрасные образы некрасовских русских женщин. И вновь как эстетически-эпико выделен он, и не только внешне, но и в сложнейших душевных движениях. Особенной силой достигает автор в сцене прощания на вокзале в первые дни войны: «...Губы от слез распухли, волосы из-под платка выбились, и глаза мутные, несмысленные, как у тронутого умом человека».

А место, где Соколов толкнул ее «вроде лезвонко», «она попыталась, шага три ступнула назад и опять ко мне идет мекими шажками, руки протягивает...».

И эта фраза рассказчика: «До самой смерти, до последнего моего часа, помнящую бузу, а не прощу себе, что тогда ее оттолкнул!» Снова, как все закономерно, какой подтекст!

Поражает объемность рассказа: и целая жизнь семьи, и война, и плен. Еще больше изумляет раскрытие образа Андрея Соколова. На малой «площадке» рассказа человек показан и в радости, и в беде, и в ненависти, и в любви, и в мирном труде, и в войне. За этим образом стоит многомиллионный, великий, добрый, многотерпеливый народ-труженик. И как же преобразуется мирный этот народ в годы военных бедствий!

Русский солдат! Какой историей, художник полностью изобразил, прославил доблесть его! Это возвышенный и сложный образ. Многие славяно, перелетное в нем такого, что сделало его «не только непобедимым, но и великодушным, почти святым», — черты, состоящие из бесхитростной, наивной веры, ясного, добродушно-веселого взгляда на жизнь, холодной и деловой отдачи, покорства перед лицом смерти, жалости и победительного, бесконечному терпению и парализующей физической и нравственной выносливости» (А. Бурнин).

Типические для русского солдата черты воплощены в образе Андрея Соколова. Сверхчеловеческая выносливость, стойкость, высокие моральные качества в самые трудные моменты войны, плена, послевоенной жизни этого человека вызывают чувство восхищения: «...и стал я собираться с духом, чтобы глянуть в дырку пистолета безстрашно, как и подобало солдату, чтобы враги не увидели в последнюю мою минуту, что мне с жизнью расставаться все-таки трудно...», — говорит Соколов. Вагонерная гордость солдата, не желающего показать врагу страха смерти потому, что стыд страшнее смерти.

Даже в жестоких врагах, в которых фашизм выжег все человеческое, вызывает уважение достоинство и самообладание русского солдата. «Вот что, Соколов, ты — настоящий русский солдат. Ты храбрый солдат. Я — тоже солдат и уважаю достойных противников. Стреляй я тебя не буду. К тому же сегодня наши доблестные войска вышли к Волге и целиком овладели Сталинградом», — говорит Мюллер.

Способность довести широту показана жизни до эпического звучания свойственна только огромному таланту.

Внимательно вчитываясь в построение рассказа, нельзя не заметить сказового приема, к которому прибегает автор, показывая единственно лагерьфюрера и «рус Иванова»: как в былинах и древних сказках, дошедших до нас из народных глубин, М. Шолохов употребляет прием троекратного усиления.

Первый стакан выпил, готовясь к смерти, солдат и не закусил. Второй стакан выпил и опять отказался от закуски.

И только после третьего, выпитого «врасстяжку» стакана приняла «откусил маленький кусочек хлеба, остаток положил на стол».

Это — традиционно-сказовое нарастание драматизма действия во времени. Оно использовано писателем вполне закономерно, и этот прием сказителей гармонично сливается с современным его рассказом.

Национально-произведение М. Шолохова и по языку. Типический образ русского солдата Андрея Соколова писатель раскрывает и в строе мысли и речи, насыщенной

Добро пожаловать, посланцы народной Венгрии!

В морозном небе лоскалось стремительный «ТУ-104». Еще минуты, и на советскую землю ступили посланцы братского венгерского народа. Председатель Венгерского Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства и Председатель Центрального Комитета Венгерской социалистической рабочей партии товарищ Янош Кадар, Председатель Президиума Венгерской Народной Республики товарищ Иштван Доби, видные государственные деятели Венгрии.

— Добро пожаловать, дорогие друзья! — обращается к ним Николай Александрович Булганин.

— Добро пожаловать! — говорит от всего сердца все советские люди.

Давно наш народ полюбил страну Шандора Петефи и Дьердя Дожу, Ференца Ракоци и Лайоша Кошута. Давно встретились советский и венгерский народы на дороге дружбы.

Сердцем мы всегда с трудолюбивым, талантливым венгерским народом. И сегодня мы говорим: — Пусть же расцвет и крепнет братская дружба народов Советского Союза и Венгерской Народной Республики! Фото В. Кошечего.

Товарищи Янош Кадар и Н. А. Булганин на Внуковском аэродроме.

МЫ ВЕРИМ В СВОИ СИЛЫ

Ференц МЮННИХ, первый заместитель председателя Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства Венгерского

Тридцать восемь лет назад рабочий класс Венгрии под руководством Венгерской коммунистической партии, возглавляемой тов. Бела Куном, взял в свои руки власть и создал Венгерскую Советскую Республику.

Рабочая власть в Венгрии была детским Великой Октябрьской революции, она возникла, следуя ее примеру и под ее влиянием. Международное историческое

Сегодня — 38-я годовщина провозглашения Венгерской Народной Республики в 1919 году. Мы публикуем написанную для «Литературной газеты» статью тов. Ференца Мюнниха, одного из ветеранов венгерского революционного рабочего движения.

первое социалистическое Советское государство. Она доказала, что учение научного социализма осуществимо, и наряду с этим являлся живым опровержением ревизионистского учения, при помощи которого оппортунистическая партия капиталистических стран хотела свести рабочих к пути классовых войн. Октябрьская революция подтвердила учение Ленина о партии, учение Маркса и Энгельса о том, что основным вопросом пролетарской революции, социалистического преобразования является вопрос о власти, о диктатуре пролетариата.

До революции Венгрия была подлинно полицейским государством, поэтому нечего было и думать о другом пути победы социализма. При своеобразных венгерских условиях того времени захват власти произошел без вооруженной борьбы, без гражданской войны, так как буржуазия, деморализованная банкротством войны и распадом буржуазной государственной власти, вынуждена была уступить натиску революционных масс. Ленин указывал на эту особенность Венгерской социалистической революции, на мирный характер захвата власти.

Сдвиг венгерского рабочего движения, освобождение рабочих масс из-под влияния оппортунистического австро-марксизма были вдохновлены великим октябрьским примером и его ленинскими. Это способствовало также и огромный общеполитический обмен веществ, который представляли собой массы солдат, попавшие в плен во время войны 1914 — 1918 гг. Военнопленные во всех странах использовались для пополнения рабочей силы взамен отправленной на войну, в результате чего они вступали в непосредственный контакт с населением.

Это особенно относилось к солдатам австро-венгерской армии, попавшим в русский плен. Уже буржуазно-демократическая революция февраля 1917 года вызвала среди этих солдат глубокий отклик, так как австро-венгерская монархия была тюрьмой угнетенных народов не в меньшей степени, чем царская Россия. С русской революцией венгерские военнопленные сблизились в первое время и традиционные антигабсбургские стремления к независимости. А slavery, кроме этого, — еще и общность языка, религия, культуры.

По мере того как революция, под руководством Ленина перерастала в социалистическую, так и революционное движение военнопленных наполнялось социалистическим содержанием. Оно и определило характер борьбы за национальную независимость. Эта борьба поставила перед собой более высокие цели: ликвидацию капитализма и феодальных пережитков, создание классового государства трудящихся.

(Окончание на 4-й стр.)

Приветствие В. Ильенкову

В связи с 60-летием со дня рождения Василия Павловича Ильенкова правление Союза писателей СССР и президиум московской писательской организации обратились к нему с приветствием, в котором говорится, что читатели знают его как писателя коммуниста, беззаветно преданного ленинскому делу.

Творчество писателя всегда отражало самое главное в жизни родного народа — борьбу за социализм, за свободу и независимость Родины. Потому достойное место в советской литературе заняли такие его произведения, как «Ведущая ось», «Солнечный город», «Большая дорога», пьеса «Площадь цветов», повести и рассказы. Заслуженную известность пользуются книги В. Ильенкова в Китае, странах народной демократии.

Почти два десятилетия В. Ильенков был одним из редакторов журнала «Октябрь», помогая многим молодым писателям своим советом, горячим участием.

Приветствие заканчивается пожеланием юбиляру здоровья и творческих успехов.

Литература 1956 года

25 марта в Институте мировой литературы имени А. М. Горького начинается научная сессия, посвященная русской советской литературе 1956 года.

Будут заслушаны и обсуждены доклад о прозе, драматургии и поэзии 1956 года, о некоторых вопросах современной критики. В прениях выступят писатели, критики и литературоведы.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ

Одна за другой выходят в свет книги, подготовленные издательствами в связи с великой датой сорокалетия Октября.

Большой сборник воспоминаний, рассказов и очерков, посвященных жизни и деятельности В. И. Ленина, переиздан Гослитиздатом. Он состоит из 10 томов, авторами которых являются: В. И. Ленин, И. Ульянова, И. Ульянова-Мельникова, И. Ульянова-Мельникова, И. Ульянова-Мельникова, И. Ульянова-Мельникова, И. Ульянова-Мельникова, И. Ульянова-Мельникова, И. Ульянова-Мельникова, И. Ульянова-Мельникова.

С большим интересом читается глава из воспоминаний В. Бонч-Бруевича, в которой рассказано о создании Государственного герба СССР. Проект герба, сделанный в Гознаке, был с теми же элементами, как и теперь: на красном фоне сияли лучи восходящего солнца, обрамленные снопами, пшеницы, внутри которых отчетливо виднелись серп и молот. Но по середине был изображен обаятельный длинный меч; он ухитился пронзить и перевернуть снопы и выхлудил рикошетом в кончик в солнечные лучи. Когда Ленин показал рисунок, он сказал:

«Идея есть, но зачем же меч? Мы бьемся, мы воевали и будем воевать, пока не добьем диктатуры пролетариата и пока не выгоним из наших пределов и белогвардейцев и интервентов, но это не значит, что война, военщина, военное насилие будут навсегда главными в нашей жизни. Завоевания нам не нужны. Завоевательная политика нам совершенно чужда; мы не нападем, а отбиваемся от внутренних и внешних врагов».

Война наша — оборонительная, и меч — не наша земля. Крепко держать его в руках мы должны, чтобы защищать наше пролетарское государство до тех пор, пока у нас есть враги, пока на нас нападают, пока нам угрожают, но это не значит, что это будет всегда.

Социализм восторжествует во всех странах — это несомненно. Братство народов будет провозглашено и осуществлено во всем мире, и меч нам не нужен, он не наша земля».

В этом же издательстве выходят в свет книги: «Как победила Революция», «Эта — воспоминания старших большевиков — участников Октябрьских событий», «И. Флеровский», «П. Мелькова», «А. Ионов», «Емельянов и другие».

ЛУЧШИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ О СОВЕТСКОЙ АРМИИ

В Детстве вышел большой сборник «Песня мемуаров», на титульном листе которого значится: «Рассказы в стихах о Советской Армии». В книге собраны лучшие произведения наших поэтов, созданные за сорок лет начиная со стихов Маяковского, Демьяна Ведюкова и Есенина до поэтов молодого поколения. Стоит напомнить, что в таком же оформлении Детство выпустил ранее книгу рассказов «

«Солдаты Родины». Обе эти книги составляют своего рода свод лучших произведений советской прозы и поэзии, посвященных армии — защитнице страны Советов.

В этом же издательстве выходят в свет книги: «Как победила Революция», «Эта — воспоминания старших большевиков — участников Октябрьских событий», «И. Флеровский», «П. Мелькова», «А. Ионов», «Емельянов и другие».

ВОТ ОНИ, РЕЗЕРВЫ ЖИЛЬЯ!

Кочевники

Проверяя жалобу одного ростовчанина, остро нуждающегося в жилье, я попросил начальника жилищного управления Кировского района тов. Ткачев рассказать о квартирных резервах в районе.

— Резервы у нас есть, — отвечает он, — а вот использовать их нам не удается. Заключили нас двухквартирники. За какого «кочевника» ни возьмемся, получается осечка, трагедия, бумагу изводим на первый шаг.

— Двухквартирники, «кочевники»? Это что же за категория жильцов?

П. Ткачев повелел мне трезвую историю. Из Ростова-на-Дону, как и из любого другого советского города, ежегодно выезжают многие граждане. Одних переводят на работу, а иные сами меняют место жительства. Но то ли им полюбился этот красивый южный город и его климат, то ли по каким иным соображениям, но свои квартиры, как правило, они жилищным управлением не сдают. Годами живут люди на новом месте, давая тем самым жилищно-строительному отделению, но и в Ростове бездельно хранят «родной» дом.

Кое-кто оставил здесь в качестве сторожей бабушек или тетюшек, другие — дочь или сына. А порой, для видимости, также двухквартирники сами навешивают ростовские квартиры в предразданные дни.

Вот о каких «неиспользованных резервах» говорил мне П. Ткачев. Вот каких «кочевников» имел он в виду. Мы захотели подробнее узнать об этих людях, посмотрели их квартиры, выяснили причины, по которым они предпочитают не по-рывать связей с любимыми им Ростовом. Обнаружились любопытные факты...

В доме № 121 по Пушкинской улице трехкомнатную квартиру в 50 квадратных метров занимает П. В. Хоренко. Впрочем, точнее, занимает не он, а его дочь-студентка. Сам же «ответственный квартиросъемщик» уже три года работает в городе Шахты заместителем председателя Каменского облисполкома. Там у него есть и квартира со всеми удобствами. А чтобы ростовские жилищные органы «не варились» на эту жилищную, либо тов. Хоренко, либо его жена иногда по субботам приезжают погостить в Шахты в Ростов. Благо, для этих поездок есть служебная машина, да и расстояние в 75 километров не так велико.

В Кировском районе это далеко не единственный факт. П. Ткачев и заведующая квартирными бюро В. Савченко называют и другие примеры. Прошлое свыше трех лет, как уехали на новую работу в город Шахты товарищи Назаров, Горбенко, Бирюков и многие другие. В Каменской области они получили жилье, а в Ростове их дух невольно витает в опустевших квартирах.

Я побывал в жилищных управлениях Ленинского, Октябрьского, Сталинского и Пролетарского районов. И везде мне называли десятки подобных фактов. По улице Текучева, № 143, и по проспекту Бузенова, № 163, жили некогда А. Г. Ткачев и В. Ф. Егоров. Уже несколько лет эти товарищи находятся на руководящей работе в районах области, квартиры же, как памятник их бывшего пребывания в Ростове, бережно сохраняются. Былший введущий Ростовским областным отделом культуры-просветительских учреждений Е. П. Белоделов три года живет в городе Шахты, возглавляет там областное управление культуры, перевод семью, а в ростовскую квартиру поселил тещу из Новочеркасска.

«Довчат» — вот слово, которым определяют ростовчане те ухудшения, на которые пускаются не в меру ретивые двухквартирники, чтоб сохранить за собой «тылы». Сохранять, вопреки необходимости, элементарной честности, ибо кому же из них не известно, как трудно в городе с жильем. Работник прокуратуры Ф. А. Подозков имел трехкомнатную квартиру. Его несколько лет назад перевели на работу в Куйбышев. Получив там квартиру, он перевез с собой семью, но и в Ростове оставил дочь. Хотя только не обращались работники райисполкома и его жилищного управления, — издать квартиру им не удалось: Подозков писал в ход угрозы, писал жалобы, обращался с письмами к прежним друзьям. Наконец, приняв решение: «уплотнить» дочь Подозкова. Прошло еще несколько месяцев. В один прекрасный день прокурорская дочь пришла в жилищное управление и заявила, что она «самоуплотнилась» — пустила в комнату тещу. А теперь теща Подозковой гражданка Иванова ходит со словами в

В. ПСЕДЕЛЬНИК, специальный корреспондент «Литературной газеты»

рабисполком: «е, оказывается, родственница выследает. Вещь шум-то вокруг квартир поутух...»

В центре города

В сквере на углу проспекта Семашко и Московской улицы особенно многолюдно бывает по субботам и воскресеньям. Встречаются тут чаще всего одна и та же лица: бойкие молчаливые в меховых пальто и степенные деловые. Человеку приезшему сразу трудно понять, куда он попал. А жители Ростова давно уже метко окрестили этот уютный сквер «квартирной толкучкой».

И действительно. Стоит лишь свежеему человеку заглянуть сюда, как к нему сразу же направляется один из завсегдатаев толкучки:

— В квартире нуждаетесь? Имею кое-что предложить.

Время от времени работники милиции препринимая робкие попытки заняться этой «толкучкой», но отступают. Говорят о ней на совещаниях и конференциях, говорят с возмущением, а она живет своей особой жизнью, со своим уставом, нравами, обычаями. Попробуем разобраться, откуда же берется эти квартирки для кули и грабля.

Заведующая квартирными бюро Ленинского района В. Богатенкова рассказывает о том, что многие имеют огромные, не полуженные им жилищные площади.

Как же распоряжаются квартиросъемщиками этими излишками? Чаще всего пускают жильцов в свои квартиры под видом родственников, беря за это большую мзду. Делается это при помощи мажоров, — они-то и составляют основные кадры «толкучки». Другие совершают так называемые обмены, за которыми скрывается денежный выкуп за большую площадь, а третьи просто соглашаются платить за лишние, — плата ведь небольшая, она с лихвой покрывается доходами от квартираторов.

Во всех жилищных управлениях, где я бывал, раздавались жалобы на то, что различного рода злоупотребления с выявленными излишками жилой площади якобы происходят потому, что устарели многие статьи жилищного закона. Но стоит заметить, что даже старый закон местные органы власти применяют плохо, не борются за то, чтобы разумно использовать каждый квадратный метр государственного жилого фонда.

— Даю вам официальную справку, — сказал мне исполняющий обязанности областного прокурора Г. Протасина, — что сейчас ни в одном народном суде, ни в одной районной прокуратуре города нет дел, возбужденных исполкомами и их жилищными органами против граждан, злоупотребляющих излишками жилой площади.

Вот тут и разберись, кто прав, а кто виноват в том, что в городе так широко развилась торговля квартирами!

Разумеется, это далеко не все резервы жилья, которыми располагает такой крупный город, как Ростов-на-Дону. На районных партийных конференциях и на областном совещании партийного актива много говорили о том, что до сих пор большое количество жилых зданий и участков разного рода котормами и учреждениями. В то же время в городе немало таких организаций, которые располагают большими излишками площади.

Явление — не только ростовское

Жилой фонд — народное достояние. Не важно, в чьем распоряжении он находится — местного Совета, какого-либо предприятия или учреждения. Важно, чтобы он сохранялся и использовался по-государственному.

Государство ежегодно выделяет огромные средства на новое жилищное строительство. По решению декабрьского пленума ЦК КПСС эти ассигнования в шестой пятилетке будут значительно увеличены. Но, кроме того, нужно разумно, с подлинным хозяйским размахом использовать все резервы жилья, которые могут удовлетворить нужды многих сотен трудящихся. В Ростове-на-Дону эти резервы пока не используются.

Не первый год идут разговоры о так называемых двухквартирниках. А какие результаты? Никаких. Ни исполкомы районных Советов, ни исполком городского Совета не имеют даже учета квартир, владельцы которых давно выехали в другие города. Почему проявляется такое равнодушие к столь важному делу, возмущенные сотни граждан? Ответ весьма прост: руководители города хотят жить спокойно, не желают портить отношений и сорить с «ответственными квартиросъемщиками».

В городе около двух тысяч депутатов

местных Советов. Свыше тысячи граждан активно участвуют в работе комиссий содействия при самоуправлении. Есть, наконец, немало количество и работников жилищных органов. Разве нельзя было использовать этот актив, чтобы буквально в каждом доме выявить и двухквартирников, и тех, кто устраивает разного рода комбинации с излишками жилищной площади, а руководители районных и городского исполкомов не используют даже те редкие сигналы, которые поступают к ним от депутатов. Где уже тут говорить об инициативе!

В ряде крупных городов страны местные Советы разработали и осуществляют меры по более рациональному использованию служебных помещений учреждений и организаций, а выходящую площадь используют под жилье. Руководители исполкома Ростовского горсовета с этим делом медлят. У председателя горисполкома В. Суляченко, когда его критикуют за вопиющие недостатки в использовании жилого фонда, всегда есть стереотипный ответ:

— Строительство жилищ не поспевает за нашими потребностями.

Все это, конечно, верно. Но речь-то ведь идет не только о медленных темпах строительства жилищ. Разве не святое дело горисполкома по-настоящему встать за выявление и использование имеющихся резервов жилья?

— Ну, что же, — могут сказать читатели, — это в Ростове-на-Дону местные руководители так равнодушно, не по-государственному относятся к использованию резервов жилья. Стоит ли по этому поводу шум поднимать?

Стоит! Ведь это явление не только ростовское. Мне приходилось сталкиваться с подобными фактами в Краснодаре и Ставрополе. Слышала я жалобы на обилие двухквартирников и злоупотребления с излишками жилой площади в Грозном, Баку, Кизилеве и Ленинграде. И всюду работники местных Советов и их жилищных органов сетовали на устаревшее законодательство, чем пользуются некоторые любители погреть руки на чужой беде...

Почему бы, говорили в этих городах работники жилищных управлений, не установить такой единый для всей страны порядок: переезжает человек на новую работу в другой город, на новом месте ему предоставляют квартиру. А нельзя ли раньше, чем выписывать ордер, потребовать от него справку, что он сдал свою жилищную местному Совету того города, откуда приехал? И чтобы справка эта обязательна, представлялась работниками всех категорий!

Местные Советы, по существу, часто бывают бесправны решить правильно вопрос, когда они выявляют так называемых двухквартирников. Существующий закон предоставляет квартиросъемщику много прав, и в том числе право, не живя фактически в квартире, являться ее владельцем. Скажем, уехал муж в другой город, получил там жилье. К нему переехала и жена. Старую квартиру они не сдают. Оказывается, квартиру в жилищное управление вносят за них либо родственники, либо квартираторы. А потом через пять месяцев кто-либо из владельцев появляется в старой квартире, чтобы «показывать» домоуправу. И опять уезжает на пять месяцев. Длится это годами. Не настала ли пора и в этом разбираться.

Резервы жилья есть не только в Ростове-на-Дону. Есть они в каждом городе. И использовать их для удовлетворения нужд трудящихся — первоочередная задача и святой долг местных Советов. А все то, что мешает этому, должно быть убрано с дороги.

РОСТОВ-НА-ДОНУ

История «снежного человека» — сномана, или, как еще зовут его жители Гималаев, «Иети» (он же «мирнак», «ми-го» и т. д.), начинается с тайнственных следов, увиденных еще в прошлом столетии английским майором Л. Уэдделлом в горах У Гималаев на высоте 5180 метров.

Если первое сообщение проклято мажорскими полковниками Ч. К. Говарда-Бери, руководившего экспедицией на Джомолунгму (Эверест), вызвала сенсацию во всех частях света. Он сообщил, местные жители — носильщики заявляли, что обнаруженные им следы принадлежат «снежному человеку». Его называли «метч наг-ми» («кан-ми» — снежный человек, а тибетское слово «метч» обозначает что-то сверх меры грязное, вонючее, отвратительное).

В 1937 году тообщения

Мне кажется, что нет убедительных данных в пользу реальности существования «снежного человека». Условие постоянного обитания в зоне вечных снегов настолько неблагоприятны, и пищевые ресурсы настолько ограничены, что ни практические, исключая возможность жизни в этих условиях крупного высокорного существа, не располагающего техническими средствами защиты от природных факторов.

Если бы действительно существовал какой-то тип постепенно вымирающего антропоида, то неизбежно были бы найдены или скелеты, или хорошо сохранившиеся в условиях высокогорья трупы этого существа. Следы на снегу являются убедительными доказательствами, так как под действием солнечных лучей след любого животного (например, медведя) может приобрести самые причудливые очертания. Разумность выбора пути, отмеченная В. Шинтоном и Ф. Смитом, также не убедительна; и медведь, как мне приходилось наблюдать на Тянь-Шане, отлично находит путь в сложном лабиринте трещин на леднике.

Полагаю, что вопрос о «снежном человеке» должен был стать предметом строгого объективного исследования ученых-зоологов.

А. ЛЕТАЕВ, действительный член Академии медицинских наук СССР, заслуженный мастер спорта

Наука накопила много данных, подтверждающих возможность существования человека в горах. Известный английский зоолог Э. Шинтон (1898—1928) не только разделял эту точку зрения, но и утверждал, что вообще родной человечества были Гималаи, Центральная Азия, что лишь впоследствии наши предки спустились с гор в долины.

Эти данные свидетельствуют также о том, что человеческий организм хорошо переносит высокогорные условия, что в отдаленное время он выдерживал их еще лучше. Таким образом, ничто невероятного и невозможного в предположении о существовании человека в горах и в наше время.

И. СИРОТИН, член-корреспондент Академии наук Украинской ССР

В глубине Ловозерской тундры Мурманской области разместилось село Ловозеро. Здесь живут и трудятся колхозники одного из крупнейших заполярных оленеводческих хозяйств «Тундра».

В центре села возвышается большое здание — это клуб. Долго не гаснет свет в его окнах. Сюда собираются по вечерам юноши и девушки. Они поют свои песни и делают много для того, чтобы в нем было весело и интересно.

Сейчас в клубе горячие дни. Молодежь села готовится к Всемирному фестивалю молодежи и студентов, который состоится в Ленинграде. В клубе много молодежи из других городов.

Фото М. Редькина.

Большой литературный конкурс

Как известно, к Всесоюзному фестивалю советской молодежи был объявлен большой литературный конкурс. Председатель его жюри писатель Леонид Соболев рассказал нашему корреспонденту некоторые подробности конкурса.

— Я хочу напомнить, — сказал он, — что участником конкурса может быть любой гражданин страны. Думаю, что в первую очередь конкурс должен заинтересовать членов множества имеющихся у нас литературных объединений, литературных кружков, групп, журналистов, а также авторский актив газет и журналов — много и многие тысячи людей. И, конечно, наших писателей. К слову, отмечу, что для победителей установлены интересные премии. Для профессиональных писателей выделены пятнадцать премий (первых, вторых и третьих). Это — золотые, серебряные и бронзовые медали, дипломы и одновременно — бесплатное туристское путешествие за границу, творческая поездка по родной стране или месячная путевка в Дом творчества. Авторы не профессионалы, кроме медалей и дипломов, получают путевки на VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, Ну, а для москвичей, которым не надо ехать издалека на фестиваль, предусмотрены ценные подарки.

Мы не ограничиваем участников конкурса жанром произведения. И рассказ, и журналистский очерк, и короткометражный киносценарий, и поэма, и яркая критическая статья, и одноактная пьеса, и стихотворение, и радиопередача — все может быть предложено на конкурс. Выбор тем также широк: труд, борьба за мир, дружба, любовь — самые различные темы нашей и зарубежной жизни.

Сейчас в адрес жюри начали поступать рукописи. К сожалению, часть их приходится возвращать обратно, так как нарушено одно обязательное условие конкурса. Дело в том, что при республиканских, краевых и областных оргкомитетах подготовке и проведению фестиваля существуют литературные журналы, которые должны сначала рассмотреть произведения местных авторов и только лучшие из них направлять к нам по адресу: Москва, улица Воровского, 50.

Хотелось бы напомнить еще об одном условии конкурса: произведения, написанные на языках народов братских республик, должны высылаться в оригинале и в переводе на русский язык. Лучшие произведения жюри рекомендует для опубликования редакциям центральных журналов и газет. Рассмотрение рукописей мы закончим к 30 апреля.

ОТВЕЧАЕМ НА ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

«Снежный человек» — миф или действительность?

Читатель В. Князев (Кемерово), который, как он пишет, «вот уже семь лет участвует в туристских походах и бывал в археологической, этнографической и геологической экспедициях, просит редакцию рассказать о так называемом «снежном человеке». Редакция попросила высказаться по этому поводу нескольких советских специалистов.

С этим никак не мог согласиться Э. Шинтон, — руководитель многих гималайских экспедиций, ибо виденные им следы шли строго по одной линии, не отклоняясь вправо и влево от центральной оси, как это бывает у четвероногого.

«Медвежья версия» была снова опровержена, когда Джон Хант увидел на склонах Канченджанги следы, явно похожие на человеческие, а также после наблюдений А. Н. Томбои в Синкине. «Я различил, — сообщивший, — следы человека, идущего в 200 или 300 ярдах по направлению к долине. Очертания фигуры, без сомнения, были в точности такие, как у человеческого существа, она шла на двух ногах и время от времени нагибалась, чтобы вырвать несколько рододендронов. На фоне снега это существо казалось темным; никакой одежды на нем не было. Через минуту оно удалилось и исчезло в зарослях. Я исследовал отпечатки ног... они имели длину всего 6—7 дюймов (15,2—17,8 сантиметра). Пять пальцев и впадина ступни отчетливо распознавались, но пальцы были едва заметны. Это были, несомненно, следы двуногого существа».

Поразил путешественники и другие способности сномана. Упомянувшийся выше Эрик Ирл Шинтон шел по направлению следов на леднике, и ему, кстати сказать, одному из виднейших английских альпинистов, действительному члену Академии наук СССР, заслуженному мастеру спорта

статем, который выведен через мое окно. Иети появился на снегу — этанкий покрытый серой, грязной шерстью урод, то передвижившийся скачками на четырех лапах, то шагавший подобно человеку. Он играл снегом, издавал довольное ворчание и неслучайно, пока мохли не затрубили в длинные рога и большие раковины. Этими звуками они, наконец, спугнули йети.

Каков же облик этого существа? По многочисленным свидетельствам, рост его около 180 сантиметров. Сноман человеческого подобия, покрыт рыжеватой шерстью и спадающими на глаза длинными волосами, сутолуго и косялап. Лицо безволосое. С непостижимой любовью прыгает со скалы на скалу.

Следы «снежного человека» похожи на следы четвероногого существа, найденные недавно в пещерах Италы, но еще более примечательны. Путем долгого исследования существования «снежного человека» является скальп, то есть кожа с его головой, обнаруженный в одном из монастырей Гималаев английской экспедицией 1954 года, организованной для изучения этого человекоподобного существа.

Нанонес, есть ряд достоверных рассказов местных жителей о встречах с «снежным человеком». Изучение всех этих данных позволяет считать, что между людьми и высокой осы, лежащей между лесами и вечными снегами, сохранились в изобилии контакты. Ученые, исследуя по своему разумно столь выше, чем человек, истребляя людей, но значительно ниже самых примитивных существ.

ИСТИНЫ РАДИ

В «Литературной газете» 7 марта была опубликована статья писательницы Ф. Вигдоровой «Костер без пламени». Автор стремилась обратить внимание обществественности на серьезные недостатки в жизни пионерской организации. Речь шла о шаблонных методах работы, формализме и скуке, царящих во многих отрядах и дружинах.

Об этом прямо и резко говорил в своем докладе на XII съезде ВЛКСМ А. Шеленин. «Работа многих отрядов и дружин страдает однообразием, ограниченностью форм, излишней регламентированностью и «заорганизованностью», — подчеркнул он. — В пионерской работе не хватает заинтересованности, романтики... Во многих дружинах нарушается самостоятельный характер пионерской организации. За работ пытаются все делать взрослые. Пионеры не получают возможности на практических делах проявить свою энергию, инициативу, умение... Все это привело к тому, что во многих отрядах и дружинах пионерскую работу засушили, и ребята теряют к ней интерес».

Немало комсомольских организаций и вожаков сделало правильный вывод из этой критики и нашло интересные формы работы с детьми. Однако недостатки, о которых говорил А. Шеленин, все еще не преодолены. Чтобы исправить их, нужна критика, нетерпимость к шаблону. Движимые беспокойством и желанием помочь пионерской организации, автор статьи «Костер без пламени» и редакция «Литературной газеты» сосредоточили внимание на том, что мешает сделать жизнь отрядов и дружин живой и увлекательной. В статье, правда, не было показано хороших примеров. Редакция должна была помочь автору пополнить ими статью, потому что борьба с формализмом, как правило, плодотворней в тех случаях, когда материальная критика сочетается с пропагандой положительного опыта. Статья, построенная только на примерах отрицательных, привела, как указывает «Правда» в заметке «Из последней почты», к односторонним обобщениям.

«Комсомольская правда» выступила в защиту «Правды», усмотрев недостатки статьи Ф. Вигдоровой «Костер без пламени» в ее «старомодности».

В редакционной статье, утверждающей в заголовке, что «пламя горит...», «Комсомольская правда» пишет: «Статья «Литературной газеты» выдвигает старомодную. Она как будто извлечена из заброшенного редакционного портфеля. Она — одна из тех, каким действительно не было сета лет, так семь или десять назад. Потому так устарели и все ее «открытия».

Но ведь XII съезд ВЛКСМ, на котором работа пионерской организации подверглась резкой критике, происходил лишь три года назад. А «Комсомольская правда» 8 марта 1956 года опубликовала серьезную, обстоятельную статью «Давайте держите совет!» Автор ее, бывшая вожаком Е. Кудебинина, сравнивая дни минувшие и дни нынешние, рассказывает, как скучна и бездельна жизнь пионерской дружины.

«...Вспоминаю свои пионерские годы, — пишет она, — я с грустью вижу, что это совсем не похоже на то, как протекает пионерская жизнь моего сына. Он рассказывает о ней явно, без блеска в глазах... Лучше, интереснее, на мой взгляд, проходить и лагерная жизнь пионеров прошлых лет. Преподать пример, автор приходит из будущего: «Ослабла пионерская работа не вчера. Этот процесс шел годами. И уже из слабых пионерских отрядов выросли комсомольцы, которые не знают, как правильно руководить пионерами, не знают потому, что ими тоже в свое время руководили плохо. Именно в этом, мне кажется, нужно искать причину того, что комсомол не справляется сейчас с воспитанием пионеров».

Это же опубликовано не в «Литературной газете», а в «Комсомольской правде» и не «лет этак семь или десять назад», а в прошлом году. Мы обращаем внимание именно на это выступление, так как оно по своей направленности совпадает со статьей «Костер без пламени».

Такова правда. И называть ее криком, как это делает «Комсомольская правда», неверно.

Поднимаю на своих страницах вопросы жизни советской школы, критикуя то, что мешает ее движению вперед, наши газеты делают важное общее дело. Интересы этого дела требуют сотрудничества, взаимной помощи, в них случаях товарищеского спора, но никак не предвзятых суждений.

Не следует сводить большой принципиальный разговор к задирскому веревалке, ибо это уводит в сторону от предмета спора.

Уверюют, что в руках одного из них видели подобие лунка. Следопыты установили, что обезьяна имеет слишком легкий вес; она не смогла бы провалиться в лунку. Следы медведя слишком сильно отличались по размерам. Оставались лангур, но след йети был больше следов всех известных разновидностей лангура. Кроме того, если плодоядные могли бы питаться в горах обитающими у нижней крошки ледниковыми сурками или бесхвостыми тибетскими крысами, то это же может составить меню травоядных обезьян...

Таковы факты. Один принимает их безоговорочно, другие категорически утверждают, что слухи о «снежном человеке» замечено в Гималаях, — плод фавтавы.

Евг. СИМОНОВ, ответственный редактор «Ежегодника советского альпинизма»

Следы «снежного человека» похожи на следы четвероногого существа, найденные недавно в пещерах Италы, но еще более примечательны. Путем долгого исследования существования «снежного человека» является скальп, то есть кожа с его головой, обнаруженный в одном из монастырей Гималаев английской экспедицией 1954 года, организованной для изучения этого человекоподобного существа.

Нанонес, есть ряд достоверных рассказов местных жителей о встречах с «снежным человеком». Изучение всех этих данных позволяет считать, что между людьми и высокой осы, лежащей между лесами и вечными снегами, сохранились в изобилии контакты. Ученые, исследуя по своему разумно столь выше, чем человек, истребляя людей, но значительно ниже самых примитивных существ.

С. ОБРУЧЕВ, член-корреспондент Академии наук СССР

Разговор о формализме и шаблоне, который представляется «Комсомольской правде» безнадоедно устаревшим, и сегодня не сходит со страниц и самой «Комсомольской правды», и журнала «Вожаки ради». Так, в последнем номере этого журнала опубликована статья «Формы ради», направленная против «заорганизованности» в пионерской работе, против кажущегося благополучия.

В заключительной части статьи «Неправда, пламя пионерских костров горит!» «Комсомольская правда» с поразительной легкостью сбрасывает «Литературную газету» тяжкое, но бездоказательное обвинение в тенденции «постоянно чернить школу». Как же приходится доводить? Статья Е. Рысса «Прошествование в шестом классе» и рецензия И. Дина на повесть М. Бременера, озаглавленная «Воспитывать правду».

Нельзя отрицать, что книга М. Бременера была оценена без должной требовательности. Что же касается статьи Е. Рысса, опубликованной более двух лет назад, то ошибочность отдельных ее положений была разъяснена «Литературной газетой» в двух ее выступлениях. Но можно ли, основываясь на двух примерах — статье Е. Рысса и рецензии на литературное произведение, — делать столь далеко идущие выводы?

Запальчивость — плохой помощник в споре. Она лишила «Комсомольскую правду» возможности взглянуть на дело объективно. Иначе, чем же объяснить, что, изучая подшивку «Литературной газеты», редакция «Комсомольской правды» не заметила продолжительной, настойчивой борьбы за совместное обучение, которая велась на страницах «Литературной газеты» педагогической общественностью и родителями, не заметила важных выступлений о школе, опубликованных только за последний год.

Напомним хотя бы некоторые из них. Например, статья группы деятелей медицинской науки о перегрузке школьников. Письмо И.И. Озаглавленное «Это очень важно», получило полную поддержку общественности. Министр просвещения РСФСР Е. Афанасьев и президент Академии педагогических наук РСФСР И. Каиров признали критику своевременной и справедливой и на страницах газеты сообщили о мерах, которые должны быть приняты в связи с письмом ученых.

В последнее время жизнь заставляет серьезно задуматься над подготовкой к труду выпускников средней школы. Вопрос этот не сходит со страниц многих газет. Ставят эти проблемы, «Литературная газета» стремится помочь молодым людям найти свое место в рядах строителей нашего общества. Трудоустройству молодежи с аттестатом зрелости были посвящены статьи «О «черной» и «белой» работе», «Даринский вариант» и другие.

Естественным продолжением этих тем, подкормленных жизнью школы, явилось выступление группы ученых, педагогов, писателей «Какая нам нужна школа?», которое вызвало отклик родителей, учителей, работников промышленности и сельского хозяйства. Редакция считает необходимым дать возможность читателям высказаться по этому поводу различные предложения. Такая дискуссия, как нам представляется, поможет найти верные решения.

Только необъективный критик мог усмотреть в позиции «Литературной газеты» желание «постоянно чернить школу».

Такова правда. И называть ее криком, как это делает «Комсомольская правда», неверно.

Поднимаю на своих страницах вопросы жизни советской школы, критикуя то, что мешает ее движению вперед, наши газеты делают важное общее дело. Интересы этого дела требуют сотрудничества, взаимной помощи, в них случаях товарищеского спора, но никак не предвзятых суждений.

Не следует сводить большой принципиальный разговор к задирскому веревалке, ибо это уводит в сторону от предмета спора.

Уверюют, что в руках одного из них видели подобие лунка. Следопыты установили, что обезьяна имеет слишком легкий вес; она не смогла бы провалиться в лунку. Следы медведя слишком сильно отличались по размерам. Оставались лангур, но след йети был больше следов всех известных разновидностей лангура. Кроме того, если плодоядные могли бы питаться в горах обитающими у нижней крошки ледниковыми сурками или бесхвостыми тибетскими крысами, то это же может составить меню травоядных обезьян...

Таковы факты. Один принимает их безоговорочно, другие категорически утверждают, что слухи о «снежном человеке» замечено в Гималаях, — плод фавтавы.

Евг. СИМОНОВ, ответственный редактор «Ежегодника советского альпинизма»

Следы «снежного человека» похожи на следы четвероногого существа, найденные недавно в пещерах Италы, но еще более примечательны. Путем долгого исследования существования «снежного человека» является скальп, то есть кожа с его головой, обнаруженный в одном из монастырей Гималаев английской экспедицией 1954 года, организованной для изучения этого человекоподобного существа.

Нанонес, есть ряд достоверных рассказов местных жителей о встречах с «снежным человеком». Изучение всех этих данных позволяет считать, что между людьми и высокой осы, лежащей между лесами и вечными снегами, сохранились в изобилии контакты. Ученые, исследуя по своему разумно столь выше, чем человек, истребляя людей, но значительно ниже самых примитивных существ.

С. ОБРУЧЕВ, член-корреспондент Академии наук СССР

«Наш вторник»

19 марта в редакции «Литературной газеты» состоялся очередной «Наш вторник». На вечере выступили поэты В. Луговской и С. Михалков. В Луговской рассказ о своих последних работах и творческих планах. В издательстве «Советский писатель» готовится к выпуску его новая книга — «Сердлина века», в которую вошли 27 поэм о жизни советского человека. В настоящее время поэт работает над книгой «Синяя весна» — она должна объединить героические, романтические и лирические стихи, посвященные социалистической Отчизне. Чтение стихов из этих двух книг В. Луговской закончил свое выступление. С. Михалков продолжал плодотворно работать в области изобразительного искусства. На «Вторник» он прочел несколько новых басен, остро бичующих отрицательные явления жизни.

В гостях у «Литературной газеты» побывали

По следам неопубликованных писем

В редакцию «Литературной газеты» обратился читатель И. Титов. Он писал о бюрократическом отношении к разбору жалоб трудящихся в Кагановичском райсовете депутатов трудящихся гор. Одессы и о злоупотреблениях некоторых работников райсовета, имеющих место при распределении земельных участков для индивидуального строительства.

Редакция направила письмо И. Титова в Одесский горком КП Украины. Секретарь

горкома А. Степаненко сообщил редакции, что факты, приведенные в письме И. Титова, подтвердились.

Сессия Кагановичского райсовета освободила П. Селяверича от занимаемой им должности председателя исполкома райсовета. Председателем исполкома Кагановичского райсовета избран тов. Хехнев.

В связи с запущенностью в учете и распределении земельных участков для индивидуального строительства предложено навести порядок в этом деле и укрепить новыми работниками жилищно-коммунального отдела Кагановичского райсовета.

Ник. ТАРАСЕНКО
МРАМОРНАЯ
ЛЕТОПИСЬ

То прибит на каменный фасад,
То привинчен
в древним бревнам прямо,
Светится
мемориальный мрамор
Тусклой бронзой высеченных дат.
Знаменитой нашей стороной
Прохожу.
Листаю по одной
Вечные
из мрамора
страницы.
Эта — дышит стариной...
На той —
Отблеск Революции
хранится.
Вот они, всегда среди живых,

Марк ШЕХТЕР

Ты пришла из «Гастронома»,
В грозном приступе одыши
Сумку на пол урони;
В этот миг хозяйка дома
Глаз не отвела от книжки
Под названием «Обрыв».
После в кухне ты тихо
Плакала, что черствы дети,
А жена сделала зло:
— Притворяется вы лицо,
Мне же видеть сцены эти
Трижды на день тяжело!
А потом...
Все было кино.
Ты сидела в кухне снова,
Было пол-второго дня.

ПУТЕШЕСТВИЕ

Если б мне прожить еще немного,
То ли двадцать, то ли сорок лет,
Я бы побывал в гостях у бога
С помощью летательных ракет.
Жизнь моторам дал бы мирный
атом.
И, покинув милый сердцу край,
Я бы мчался в сумраке космосом,
Суток через пять добравшись
в рай.
Я бы вышел из машины личной,
По старинке дверь замкнув на
ключ.
И, как житель области столичной,
Помокая голпе смиренных туч.
Скуные еще от сотворенья,
Преду мной возникли бы места:
Облаков причудливых строения,
Дом приезжих имени Христа.
Я б заметил ангелу у входа,
С белыми руками на груди:

Новые стихи

Бронзовеют
на страницах славы;
Федосеев...
Лакни...
А до них —
Невский Александр Ярославич...
Если б досок мраморных листы
Силой фантастического сдвига
Вместе уложить,
перелести, —
Родился бы
мраморная книга.
Величайший эпос
книги той
У народа в памяти хранится...
Значит, и разрозненным страницам
Вяк не затеряться.
Ни одной.

МАТЪ

Только новая морщина
Завела у рта сухого,
Целовашего меня.
Мама, я повинен тоже,
Что серебряными стали
Прядей реденьких ручьи!
Мама, с каждым днем дороже
Эти руки, что листали
Книги первые мои!
Днем на кухне ты хлопотешь,
Моешь чашки расписные,
Ночью дремлешь три часа...
Мир вам, старческие очи,
Дальнорюкне, рюкне,
Васильковые глаза!

— Вот же здесь не райская
природа,
Ни одной березки впереди!
Это ли таинственное лоно,
Снивавшая людям благодать?
Хоть бы встретила парочку
влюбленных,
Труженника в поле...
Не видать.
Отвечайте мне, небесный
житель:
Где здесь вечной юности сады?
Праведников знатных покажите,
Райских птиц и райские плоды!
Ни заводов, ни метро не видно,
Кораблей не встретишь на воде...
Зря я тратил время, очевидно,
Добираясь от звезд и звезд.
Повернусь. Пойду к своей ракете.
Зашумят моторы. И вдали
Я пойму, что нет светлей на свете
Освещенной звездами земли.

ХОРОШЕЕ ПОБЕЖДАЕТ...

Есть писатели,
творческий рост
которых похож на
восхождение аль-
пиниста: они тер-
пеливо и настой-
чиво карабкаются
вверх, преодолевая
одну трудность
за другой. Лишь после основатель-
ного закрепления на одной граде они
делают шаг вперед и поднимаются на новую
ступень, все приближаясь к вершине.
Они двигаются медленно, но верно.

Именно таким оказался творческий
путь азербайджанского писателя Исмаила
Шихлы. Он свыше десяти лет систе-
матически, не горюясь, трудился в об-
ласть так называемой малой прозы, пока
от бессмысленных очерков и подучер-
ковых рассказов не перешел к созданию
крупного по объему и удачного по вы-
полнению произведения о людях совре-
менного азербайджанского колхозного
села. О борьбе нового со старым в на-
шей жизни многонациональной советской
литературе создано много произведе-
ний. Нашу симпатию завоевали те из
них, в которых чувствуется оригиналь-
ный подход писателя к этой общему
И. Шихлы, разрабатывая эту тему на
материале азербайджанской деревни,
нашел новые, свежие краски, не поддался
шаблону, трафарету. Его роман «Айры-
лан Йоллар» («Разошедшиеся пути») от-
личается национальным колоритом и
своеобразным художественным восприя-
тием действительности.

Развертывая картины общественных и
личных взаимоотношений героев на ши-
роком фоне колхозного производства,
И. Шихлы сумел создать самобытные,
запоминающиеся образы простых людей.
Различное отношение к явлениям жизни,
противоположные представления о назна-
чении человека, о его долге и обязанно-
сти, взаимоисключающие понятия в во-
просах чести, морали и дружбы опреде-
ляют направление деятельности героев,
приводят их к столкновениям, к страст-
ной борьбе. В этой борьбе и раскрываются
их характеры, складываются и прояв-
ляются их индивидуальные особенности.

...Молодой колхозник Иман, получив
агрономическое образование в городе,
возвращается в далекое селение к своей
старой матери и молодой женой, экс-
траординарной Туксезан. С первых ста-
рок романа агроном вызывает нашу сим-
патию своей непосредственностью, иск-
ренностью и простотой. Это человек,
для которого цель жизни — в полезной
деятельности, в труде. Жить без дела —
значит обречь себя на смертельную скуку,
закопать себя живым в могилу. Иман
любит жизнь, любит милую природу
своего родного села. Он мечтаетеле,
прост и доверчив и потому нередко об-
манывается в людях. Но развитое чув-
ство справедливости, любовь к правде

помогает ему распознавать фальшь в
поведении человека, которому он верил.
Именно так сложились его отношения с
председателем колхоза Курбаном Кеса-
оглу. Курбан — насквозь фальшивый
человек, не уважающий людей, не веря-
щий ни в правду, ни в честь. Он убеж-
ден, что, будучи негодяем, можно проявить
человеческим честию, если проявить
любовь и гибкость, не имея
способностей, сохраняя за собой вы-
годную должность, если и тому же
создать себе поддержку и «спасуху» и
«спасуху». Курбан находчив, энергичен,
сумел создать репутацию деятельного
человека.

В начале повествования Иман верит
ему, даже уважает его, но когда ста-
кивается с ним ближе, узнает его нутро,
вера сменяется презрением. Не осущест-
вился хитро задуманный замысел
Курбана — женить молодого специа-
листа на своей избалованной, легкомы-
сленной племяннице, породиться с ним
и тем самым превратить его в послуш-
ного исполнителя своей воли. Ненависть
Имана к Курбану усиливается, когда
он узнает о нечестности всей компа-
нии, окружающей председателя.

В этой — вначале глухой и неглас-
ной, а затем острой и открытой — борь-
бе на стороне агронома встают объек-
тивная, полная энергии и жизнерадо-
стия зеньевича Зейнаб, учительница
Наргиз, старый колхозник Керим и дру-
гие. Они находят поддержку секретаря
колхозной парторганизации Насиба.
Коллектив честных людей, твердый и
непримиримый, решает исход борьбы.

Одно из достоинств романа — его вы-
разительный, образный язык. И. Шихлы
находит меткие и емкие народные
слова для индивидуализации языка
своих героев.

Есть в романе и заметные недостатки.
Иногда автор, видимо, желая усилить
заинтересованность, вводит в повест-
вовании сцены, лишние жизненной
достоверности. Такое впечатление про-
изводит история неудавшейся любви На-
сиба, рассказанная к концу романа и
только задерживающая развитие сюжета.
Чувствуется также и наивное стрем-
ление автора во что бы то ни стало сде-
лать всех своих положительных героев
счастливыми. Так, за горечь и страдания
неразделенной любви зеньевича
Зейнаб к Иману автор как бы награж-
дает к концу романа свою героиню но-
вой, на этот раз счастливой любовью.

В русском переводе роман напечатан
в издающемся на русском языке в Баку
журнале «Литературный Азербайджан».
Там книга названа «Повесть о моем
друге». Бывает, и, к сожалению, часто,
что произведения появляются на родном
языке под одним, а на русском под дру-
гим названием. В данном случае мы
считаем более удачным первоначальное
название, данное автором своему про-
изведению, — оно лучше и полнее выра-
жает его замысел. Не всегда удачен
язык перевода (переводчики А. Львов и
И. Моршанов).

Литературное обозрение

Каждой осенью, когда кончается на-
вигация на Белом море, герой произве-
дения покидает каюту своего корабля и
едет на юг. Ему кажется: нигде он «не
видел такой синевы, как в этой кра-
соте, нигде не чувствовал такой свежести мо-
ря. Не потому ли, что истинной красо-
той отнеслось сердцу?» Знакомая до
боли песчаная коса... В преласветной
мгле, как давнего друга, герой встреча-
ет старую шхуну, застывшую на холме,
точно на гребне волны. Это и есть «Об-
гоняющая ветер» — его первый ко-
рабль, названный так в честь девушки,
его первой любимой...

И дальше мы с волнением слушаем
повесть о юности, о порывистости и неж-
ной Марине — дочери шкипера Се-
дора Луничя, о крылатой шхуне и ее
маленьком экипаже, о тревожных и
трудных рыбачьих буднях.

Все, что рассказано автором, прини-
мать близко к сердцу, как сокровен-
ные воспоминания друга, подурнуть
дымкой времени и потому немножко
грустные. А разве друг не делится с
тобой не только радостью, но и печ-
алью?

Хорошо, с большим теплом выписаны
К. Кудиевским обе «Обгоняющие ве-
тер» — и шхуна, и девушка. Море по-
казано огромным живым существом, но-
торое любит и боится, с которым дру-
жат и враждуют эти люди; и навечно
связанный с морем Сидор Лунич, и
благородный Янко, который всем жерт-
вует во имя дружбы, и задирный, ри-
сующийся Федор Сенчин — соперник
лирического героя повести. Мне кажет-
ся, что и вставной рассказ о рыбачке
Катерине и ее погубившей во время
шторма любви органически входит в
ткань произведения. Этим еще больше
дополняется портрет всеобщего чуди-
ща — моря, с которым шутить нельзя.

Перед нами рассказ о несчастной
любви. В этом виноваты сами влюблен-
ные. И Марина, изменившая своему
«попутному ветру», морю, своей любви,
и герой, который на всю жизнь оста-
ется верен морю, но из-за неверно пони-
маемой, романтической, «горючковой» гор-
дости не переубежден любимым, хотя
он и вставной рассказ о рыбачке
Катерине и ее погубившей во время
шторма любви органически входит в
ткань произведения. Этим еще больше
дополняется портрет всеобщего чуди-
ща — моря, с которым шутить нельзя.

Вот как возникает у парня любовь:
Недавно в паре встретил вас,
Я понял истинный желанный час,
Пришел любовь желанный час,
Я ждал вас именно такую.

...Под властным блеском ваших глаз
Я стал и грустным, и несмелым,
Люблю сильней жизни вас,
Мой соловей, мой ланкаш белый...

Прошло несколько лет, и, бросив жену:
...Прощай, последний раз пишу... —
парень заявляет:
Ты знаешь, я в душе поэт,
Их в жизни необычной,
Суха поэзия, друг нет,
Их ты, слишком прозаична.

...А сыну нашему скажи,
Когда он конюшену стает,
Любя и женщин, песни, жизнь,
Вино неистовое в стакане...

Кто это говорит? Рабочий парень?
Нет, конечно. Это язык альбомных ме-
щанских стихов. Но может быть,
автор так и задумал своего героя?
«Бегущий по волнам» — не беда! Моло-
дцане до мозга костей, случайный ком-
сомолец, ведущий жизнь доверлоупонно-
ного пошляка, этакое «гусара»? Пусть
так. Но в таком случае следует ожидать,
что у положительной героини, женщи-
ны нашей эпохи, заговорит иным язы-
ком, с точными приметамы своей среды
и своего времени. Ожидания напрасны.
Ее слова под стать «гусару»:

Я верю, ты любишь меня,
И были счастливы мы оба,
Пока ты все не променял
На ласки ветреной особы.

Или еще — и не очень грамотно, и
совсем невыразительно:
Письмо прочла сползу клеветы
И на себя и нашу астку
В твоём же сердце — пустота,
А объяснил ее и нечем.

Образ советской женщины нет. Более
того, ее мешанский стиль отталкивает.
Из-за негодных средств разрушается за-
мысел. И какими бы хорошими ни были
желания автора, стихи эти вызывают
неприятно.

Беспомощность и безвкусица харак-
терны для всей книги В. Стенькина.
Вряд ли читатель последует за автором
в большом стихотворении «Переправа»,
приглашающем:
Поднимись поутру рано
И по падам тем пройдишь,
Встретишь динго забавна,
Выстроеного гурана,
Встретишь много разных птиц...

— вряд ли, так как слишком трудно пе-
реступить через неряшливую рифму
«пройдешь — птиц» и через ударение
«кабан» вместо «кабаня». А между тем
стихотворением задумано поднять не-
что-нибудь, а тему борьбы советского
человека со стихией.

Стихи о самом важном и дорогом — о
партии, — ими открывается книга, —
лишены малейшего свежего дуновения,
сухи, бескрылы, да и вообще едва ли
могут быть названы стихами, ибо это
плохо склеенный набор давно и много
лучше высказанных истин.

Все в книге В. Стенькина — пере-
лест, все с чужого плеча, вернее, с
чужих плеч, и все в ухушенном пере-
издании. То и дело спотыкаешься о но-
чковые строны, неряшливые рифмы,
стертые образы и прозаизмы. Непонят-
но, зачем и почему Бурят-монгольское
издательство выпустило эту книгу.

Д.М. СЕДЫХ

Море, любовь, люди

Повесть Кон-
стантина Кудиев-
ского «Обгоняю-
щая ветер» на-
чалась не заме-
чанной в Москве.
Да, ее действи-
тельно «трудно» заметить — «периферий-
ный» журнал, автор не знаменит, и во
всей повести только 33 страницы. Но
увидели же мы когда-то небольшую
повесть «Звезда» Казаневича.

Впрочем, я не собираюсь проводить
никаких аналогий...
Автор повести «Обгоняющая ве-
тер» — моряк, немало повидавший и
испытывавший на своем, пока еще не дол-
гом веку. Он плавал, говоря словами по-
вести, «ли в высоких широтах, где горит
солнце, колыхается огненным туманом
полярного сияния, и в тропиках, небо над
которыми перестерну Южным Крестом».
Однако он всегда помнит о род-
ном берегу — узкой песчаной косе в
одном из глухих углов Черного моря,
куда влекли его воспоминания юности
и первой любви.

«Обгоняющая ветер» — это повесть о
рыбаках, об их суровой жизни и боль-
ших чувствах. Неумолимых труженни-
ков моря К. Кудиевский воспевает иск-
ренне и горячо, как задушевного лирика.
Автор ведет повествование от первого
лица.

Каждой осенью, когда кончается на-
вигация на Белом море, герой произве-
дения покидает каюту своего корабля и
едет на юг. Ему кажется: нигде он «не
видел такой синевы, как в этой кра-
соте, нигде не чувствовал такой свежести мо-
ря. Не потому ли, что истинной красо-
той отнеслось сердцу?» Знакомая до
боли песчаная коса... В преласветной
мгле, как давнего друга, герой встреча-
ет старую шхуну, застывшую на холме,
точно на гребне волны. Это и есть «Об-
гоняющая ветер» — его первый ко-
рабль, названный так в честь девушки,
его первой любимой...

И дальше мы с волнением слушаем
повесть о юности, о порывистости и неж-
ной Марине — дочери шкипера Се-
дора Луничя, о крылатой шхуне и ее
маленьком экипаже, о тревожных и
трудных рыбачьих буднях.

Все, что рассказано автором, прини-
мать близко к сердцу, как сокровен-
ные воспоминания друга, подурнуть
дымкой времени и потому немножко
грустные. А разве друг не делится с
тобой не только радостью, но и печ-
алью?

Хорошо, с большим теплом выписаны
К. Кудиевским обе «Обгоняющие ве-
тер» — и шхуна, и девушка. Море по-
казано огромным живым существом, но-
торое любит и боится, с которым дру-
жат и враждуют эти люди; и навечно
связанный с морем Сидор Лунич, и
благородный Янко, который всем жерт-
вует во имя дружбы, и задирный, ри-
сующийся Федор Сенчин — соперник
лирического героя повести. Мне кажет-
ся, что и вставной рассказ о рыбачке
Катерине и ее погубившей во время
шторма любви органически входит в
ткань произведения. Этим еще больше
дополняется портрет всеобщего чуди-
ща — моря, с которым шутить нельзя.

Перед нами рассказ о несчастной
любви. В этом виноваты сами влюблен-
ные. И Марина, изменившая своему
«попутному ветру», морю, своей любви,
и герой, который на всю жизнь оста-
ется верен морю, но из-за неверно пони-
маемой, романтической, «горючковой» гор-
дости не переубежден любимым, хотя
он и вставной рассказ о рыбачке
Катерине и ее погубившей во время
шторма любви органически входит в
ткань произведения. Этим еще больше
дополняется портрет всеобщего чуди-
ща — моря, с которым шутить нельзя.

Вот как возникает у парня любовь:
Недавно в паре встретил вас,
Я понял истинный желанный час,
Пришел любовь желанный час,
Я ждал вас именно такую.

...Под властным блеском ваших глаз
Я стал и грустным, и несмелым,
Люблю сильней жизни вас,
Мой соловей, мой ланкаш белый...

Прошло несколько лет, и, бросив жену:
...Прощай, последний раз пишу... —
парень заявляет:
Ты знаешь, я в душе поэт,
Их в жизни необычной,
Суха поэзия, друг нет,
Их ты, слишком прозаична.

...А сыну нашему скажи,
Когда он конюшену стает,
Любя и женщин, песни, жизнь,
Вино неистовое в стакане...

Кто это говорит? Рабочий парень?
Нет, конечно. Это язык альбомных ме-
щанских стихов. Но может быть,
автор так и задумал своего героя?
«Бегущий по волнам» — не беда! Моло-
дцане до мозга костей, случайный ком-
сомолец, ведущий жизнь доверлоупонно-
ного пошляка, этакое «гусара»? Пусть
так. Но в таком случае следует ожидать,
что у положительной героини, женщи-
ны нашей эпохи, заговорит иным язы-
ком, с точными приметамы своей среды
и своего времени. Ожидания напрасны.
Ее слова под стать «гусару»:

Я верю, ты любишь меня,
И были счастливы мы оба,
Пока ты все не променял
На ласки ветреной особы.

Или еще — и не очень грамотно, и
совсем невыразительно:
Письмо прочла сползу клеветы
И на себя и нашу астку
В твоём же сердце — пустота,
А объяснил ее и нечем.

Образ советской женщины нет. Более
того, ее мешанский стиль отталкивает.
Из-за негодных средств разрушается за-
мысел. И какими бы хорошими ни были
желания автора, стихи эти вызывают
неприятно.

Беспомощность и безвкусица харак-
терны для всей книги В. Стенькина.
Вряд ли читатель последует за автором
в большом стихотворении «Переправа»,
приглашающем:
Поднимись поутру рано
И по падам тем пройдишь,
Встретишь динго забавна,
Выстроеного гурана,
Встретишь много разных птиц...

— вряд ли, так как слишком трудно пе-
реступить через неряшливую рифму
«пройдешь — птиц» и через ударение
«кабан» вместо «кабаня». А между тем
стихотворением задумано поднять не-
что-нибудь, а тему борьбы советского
человека со стихией.

Стихи о самом важном и дорогом — о
партии, — ими открывается книга, —
лишены малейшего свежего дуновения,
сухи, бескрылы, да и вообще едва ли
могут быть названы стихами, ибо это
плохо склеенный набор давно и много
лучше высказанных истин.

Все в книге В. Стенькина — пере-
лест, все с чужого плеча, вернее, с
чужих плеч, и все в ухушенном пере-
издании. То и дело спотыкаешься о но-
чковые строны, неряшливые рифмы,
стертые образы и прозаизмы. Непонят-
но, зачем и почему Бурят-монгольское
издательство выпустило эту книгу.

Д.М. СЕДЫХ

Море, любовь, люди

Повесть Кон-
стантина Кудиев-
ского «Обгоняю-
щая ветер» на-
чалась не заме-
чанной в Москве.
Да, ее действи-
тельно «трудно» заметить — «периферий-
ный» журнал, автор не знаменит, и во
всей повести только 33 страницы. Но
увидели же мы когда-то небольшую
повесть «Звезда» Казаневича.

Впрочем, я не собираюсь проводить
никаких аналогий...
Автор повести «Обгоняющая ве-
тер» — моряк, немало повидавший и
испытывавший на своем, пока еще не дол-
гом веку. Он плавал, говоря словами по-
вести, «ли в высоких широтах, где горит
солнце, колыхается огненным туманом
полярного сияния, и в тропиках, небо над
которыми перестерну Южным Крестом».
Однако он всегда помнит о род-
ном берегу — узкой песчаной косе в
одном из глухих углов Черного моря,
куда влекли его воспоминания юности
и первой любви.

«Обгоняющая ветер» — это повесть о
рыбаках, об их суровой жизни и боль-
ших чувствах. Неумолимых труженни-
ков моря К. Кудиевский воспевает иск-
ренне и горячо, как задушевного лирика.
Автор ведет повествование от первого
лица.

Каждой осенью, когда кончается на-
вигация на Белом море, герой произве-
дения покидает каюту своего корабля и
едет на юг. Ему кажется: нигде он «не
видел такой синевы, как в этой кра-
соте, нигде не чувствовал такой свежести мо-
ря. Не потому ли, что истинной красо-
той отнеслось сердцу?» Знакомая до
боли песчаная коса... В преласветной
мгле, как давнего друга, герой встреча-
ет старую шхуну, застывшую на холме,
точно на гребне волны. Это и есть «Об-
гоняющая ветер» — его первый ко-
рабль, названный так в честь девушки,
его первой любимой...

И дальше мы с волнением слушаем
повесть о юности, о порывистости и неж-
ной Марине — дочери шкипера Се-
дора Луничя, о крылатой шхуне и ее
маленьком экипаже, о тревожных и
трудных рыбачьих буднях.

Все, что рассказано автором, прини-
мать близко к сердцу, как сокровен-
ные воспоминания друга, подурнуть
дымкой времени и потому немножко
грустные. А разве друг не делится с
тобой не только радостью, но и печ-
алью?

Хорошо, с большим теплом выписаны
К. Кудиевским обе «Обгоняющие ве-
тер» — и шхуна, и девушка. Море по-
казано огромным живым существом, но-
торое любит и боится, с которым дру-
жат и враждуют эти люди; и навечно
связанный с морем Сидор Лунич, и
благородный Янко, который всем жерт-
вует во имя дружбы, и задирный, ри-
сующийся Федор Сенчин — соперник
лирического героя повести. Мне кажет-
ся, что и вставной рассказ о рыбачке
Катерине и ее погубившей во время
шторма любви органически входит в
ткань произведения. Этим еще больше
дополняется портрет всеобщего чуди-
ща — моря, с которым шутить нельзя.

Перед нами рассказ о несчастной
любви. В этом виноваты сами влюблен-
ные. И Марина, изменившая своему
«попутному ветру», морю, своей любви,
и герой, который на всю жизнь оста-
ется верен морю, но из-за неверно пони-
маемой, романтической, «горючковой» гор-
дости не переубежден любимым, хотя
он и вставной рассказ о рыбачке
Катерине и ее погубившей во время
шторма любви органически входит в
ткань произведения. Этим еще больше
дополняется портрет всеобщего чуди-
ща — моря, с которым шутить нельзя.

Вот как возникает у парня любовь:
Недавно в паре встретил вас,
Я понял истинный желанный час,
Пришел любовь желанный час,
Я ждал вас именно такую.

...Под властным блеском ваших глаз
Я стал и грустным, и несмелым,
Люблю сильней жизни вас,
Мой соловей, мой ланкаш белый...

Прошло несколько лет, и, бросив жену:
...Прощай, последний раз пишу... —
парень заявляет:
Ты знаешь, я в душе поэт,
Их в жизни необычной,
Суха поэзия, друг нет,
Их ты, слишком прозаична.

...А сыну нашему скажи,
Когда он конюшену стает,
Любя и женщин, песни, жизнь,
Вино неистовое в стакане...

Кто это говорит? Рабочий парень?
Нет, конечно. Это язык альбомных ме-
щанских стихов. Но может быть,
автор так и задумал своего героя?
«Бегущий по волнам» — не беда! Моло-
дцане до мозга костей, случайный ком-
сомолец, ведущий жизнь доверлоупонно-
ного пошляка, этакое «гусара»? Пусть
так. Но в таком случае следует ожидать,
что у положительной героини, женщи-
ны нашей эпохи, заговорит иным язы-
ком, с точными приметамы своей среды
и своего времени. Ожидания напрасны.
Ее слова под стать «гусару»:

Я верю, ты любишь меня,
И были счастливы мы оба,
Пока ты все не променял
На ласки ветреной особы.

Или еще — и не очень грамотно, и
совсем невыразительно:
Письмо прочла сползу клеветы
И на себя и нашу астку
В твоём же сердце — пустота,
А объяснил ее и нечем.

Образ советской женщины нет. Более
того, ее мешанский стиль отталкивает.
Из-за негодных средств разрушается за-
мысел. И какими бы хорошими ни были
желания автора, стихи эти вызывают
неприятно.

Беспомощность и безвкусица харак-
терны для всей книги В. Стенькина.
Вряд ли читатель последует за автором
в большом стихотворении «Переправа»,
приглашающем:
Поднимись поутру рано
И по падам тем пройдишь,
Встретишь динго забавна,
Выстроеного гурана,
Встретишь много разных птиц...

— вряд ли, так как слишком трудно пе-
реступить через неряшливую рифму
«пройдешь — птиц» и через ударение
«кабан» вместо «кабаня». А между тем
стихотворением задумано поднять не-
что-нибудь, а тему борьбы советского
человека со стихией.

Стихи о самом важном и дорогом — о
партии, — ими открывается книга, —
лишены малейшего свежего дуновения,
сухи, бескрылы, да и вообще едва ли
могут быть названы стихами, ибо это
плохо склеенный набор давно и много
лучше высказанных истин.

Все в книге В. Стенькина — пере-
лест, все с чужого плеча, вернее, с
чужих плеч, и все в ухушенном пере-
издании. То и дело спотыкаешься о но-
чковые строны, неряшливые рифмы,
стертые образы и прозаизмы. Непонят-
но, зачем и почему Бурят-монгольское
издательство выпустило эту книгу.

Д.М. СЕДЫХ

Море, любовь, люди

Повесть Кон-
стантина Кудиев-
ского «Обгоняю-
щая ветер» на-
чалась не заме-
чанной в Москве.
Да, ее действи-
тельно «трудно» заметить — «периферий-
ный» журнал, автор не знаменит, и во
всей повести только 33 страницы. Но
увидели же мы когда-то небольшую
повесть «Звезда» Казаневича.

Впрочем, я не собираюсь проводить
никаких аналогий...
Автор повести «Обгоняющая ве-
тер» — моряк, немало повидавший и
испытывавший на своем, пока еще не дол-
гом веку. Он плавал, говоря словами по-
вести, «ли в высоких широтах, где горит
солнце, колыхается огненным туманом
полярного сияния, и в тропиках, небо над
которыми перестерну Южным Крестом».
Однако он всегда помнит о род-
ном берегу — узкой песчаной косе в
одном из глухих углов Черного моря,
куда влекли его воспоминания юности
и первой любви.

«Обгоняющая ветер» — это повесть о
рыбаках, об их суровой жизни и боль-
ших чувствах. Неумолимых труженни-
ков моря К. Кудиевский воспевает иск-
ренне и

МЫ ВЕРИМ В СВОИ СИЛЫ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Русская революция с особой силой подействовала на венгерских волеиспытанных. Главная причина этого заключалась в сходстве общественной и экономической структуры Венгрии и России. В обеих странах капиталистическая эксплуатация сочеталась с феодально-помещичьим гнетом. Этим объясняется, в частности, то, что венгерские пленные в массовом порядке и решительно стали на сторону русской революции, самоотверженно участвовали в вооруженной защите Советской власти.

Отмечая историческую годовщину создания Венгерской Советской Республики, мы не можем забывать о предвестнике Венгерской социалистической революции. В огне русской революции, руководимой партией Ленина, она познакомилась с революционным марксистским учением, с опытом вооруженной классовой борьбы.

Под руководством Беа Куня, Ференца Янчика, Кароя Вантуша, Тибора Самуэли, Кароя Лигети и других создавались на русской земле первые коммунистические организации венгерского рабочего движения.

Беа Бун и его товарищи по возвращении на родину вместе с первыми руководителями венгерского рабочего движения создали коммунистическую партию, первую революционную марксистскую рабочую партию в Венгрии.

В революционной обстановке осени 1918 года в Венгрии эта партия смогла вывести рабочий класс и массы трудового крестьянства на свержение капитализма.

Подлинными революционными традициями венгерского коммунистического движения замечательны и затуманивались на протяжении многих лет. Будучи личностно искажен, заслонил историческую действительность. Появились книги, в которых предвещников венгерского коммунистического движения искали в организации анархистов, радикальной интеллигенции. Были отнесены на задний план ведущая роль носителя социалистической революции — рабочего класса и его партии, международные корни и связи коммунистического движения. Были дискредитированы старые борцы нашей партии, живые носители этих традиций, и сделано невозможным их достойное участие в жизни партии.

Пролетарский интернационализм стал пустой фразой, он не был основой политического воспитания нашей молодежи. Все это, вместе взятое, явилось одной из причин того, что шовинистическая агитация контрреволюции в октябре прошлого года сумела повлечь за собой значительную часть нашей молодежи.

На протяжении десятилетий венгерские коммунисты боролись против жестокого террора хортистского фашизма, за освобождение рабочего класса, трудящихся. Победоносное оружие Советской Армии принесло нам освобождение в 1945 году. Полнозвучная жизнь нашего народа началась при дружеской помощи Советского Союза, она позволила венгерскому народу приступить к закладке основ социализма.

Минувшие двенадцать лет нашей государственной независимости были периодом значительных творений. В промышленности и на транспорте мы ликвидировали эксплуататорскую капиталистическую собственность. В сельском хозяйстве — систему крупных владений. Мы дали землю крестьянам и содействовали началу социалистических преобразований в деревне. Широкие массы нашего трудового народа стали на путь, который ведет к созданию более высокой социалистической общественной формации.

Ошибки, допущенные в последние годы в партийном и государственном руководстве, облегчили подрывную деятельность контрреволюции, которая пыталась извне нанести нам удар. А это привело к контрреволюционному мятежу в октябре 1956 года.

Советский Союз по нашей просьбе и на основании обязательств по Варшавскому договору послал к нам на помощь. При его поддержке мы разбили вооруженные силы контрреволюции. Под руководством Венгерской социалистической рабочей партии мы приступили к ликвидации ущерба, нанесенного контрреволюцией, укреплению политической, экономической, культурной жизни, нашего демократического государства.

Цена больших успехов прошлого, участь на его ошибках, наша партия и прави-

тельство, опирающиеся на учение Маркса и Ленина, с успехом расчищают путь, ведущий к консолидации и подъему. В дни великой исторической годовщины венгерский народ выражает свою любовь и благодарность социалистическому лагерю, ведомому Советским Союзом, за оказанную колоссальную моральную и материальную помощь.

Мы верим в наших друзей. Мы верим в свои силы. У нас нет никаких сомнений в том, что наша народная демократия и впрямь будет верной составной частью социалистического лагеря, все крепнущим бастионом защиты мира.

Б этому обязывают нас боевое прошлое нашего коммунистического движения, бессмертная историческая память и наследие 1919 года.

БУДАПЕШТ

НАЦИСТСКИЙ ПАЛАЧ В НАТО

Общественность Европы продолжает бурно негодовать в связи с назначением бывшего гитлеровского генерала Шпейделя на руководящий пост в НАТО. Газеты публикуют по этому поводу многочисленные фотографии и полные едкого сарказма карикатуры.

«Нет — Шпейделю!» — демонстрации под этим лозунгом проходят во всех уголках Франции. (Впереди — французы в одежде узников гитлеровских концлагерей). Снимок из французского еженедельника «Авангард»

«Чья ты скамья?» — насчет назначения фашистского генерала Шпейделя на пост командующего сухопутными войсками НАТО? — Это замечательно! Достаточно взглянуть на него, чтобы понять, что это военный геней. У него классические лобные шипы стратега. — Вот как! А я думал, что эти шипы он получил во время последней войны... Рисунок художника Камерини из итальянской газеты «Пазз»

ТОТ ДАВНИЙ ВЕЧЕР ИЮНЯ 1918

года был прохладен. Такими всегда бывают летние вечера в хвойных лесах Среднего Урала. Красногвардейские отряды и коммунистические роты, отступив от Златоуста, Салда, Балашки и многих других рудников и заводов, под Назе-Петровским заводом закрепились и были усилены подкреплениями из Бекатерибурга.

И, отбивая наскоки белых, мы перестроивались, торопились и наспех обучались. Раньше наши отряды состояли из добровольцев, сейчас нас пополнили мобилизованными. Илейные и храбрые, но порою малоквалифицированные выборные начальники заменялись назначенными командирами, по большей части из унтер-офицеров царской армии. Крепко запомнился мне командир отряда, быстрый, беспокойный, поворотливый и ворчливый Кудрявцев — не то малый унтер-офицер, не то ефрейтор.

— Пойдем сегодня связным в роту к малярам, — сказал мне Кудрявцев в тот вечер при распределении нарядов.

Маляры стояли на самом крайнем фланге нашего участка фронта, который в то время еще не был сплошным. Венгерская рота была одной из самых крепких частей нашего участка, и ей была доверена охрана этого узкого места.

И вот уже перед рассветом, взяв свою винтовку и котелок, я отправился к малярам. Что это за народ маляры, я имел представление с самого туманного, но за короткое время на фронте репутация хороших солдат уже укрепилась за ними.

Вязкая болотистая тропка, по которой в тот предвечерний час шел я к малярам, мне хорошо была известна еще по предыдущим передвижениям, природа была родная, любимая с детства... Давно не приходилось мне оставаться наедине с самим собой, и помню, как в этот на редкость тихий час мысленно отключился я на себя, поразился и ужаснулся тому прыжку, который совершил. Если бы позарезкой зимой, когда я был еще чистеньким мальчишкой в форменной шинели с медными пуговицами, увидел бы себя таким, каким был сейчас, — в зеленом ватнике, неухоженных солдатских ботинках и неухоженных омотках, с бледным, покатым лбом, обремененным черной бородой, — вот удивился бы!

Но между той зимой и этой произошла революция, и куда, кроме Красной Армии, могло привести меня непрерывное чтение революционной литературы и ежедневные, в качестве безмолвного и жадного слушателя, посещения заседаний горсовета? Конечно, была прямая связь между Марксом, Энгельсом, Лениным и — винтовкой, к которой я сейчас настолько привык, что она уже оттаивала мне плеча, и которую, ку-

ПАРОЛЬ БРАТСТВА

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

Из воспоминаний

да бы ни шел, таскал с собой машинально. И все же то были книги, а это была жизнь, и, конечно, гораздо легче, сила в уютной комнате, читать: «Шапки голые, я буду говорить о мучениках коммуны», чем дни и ночи под пулями неприятеля мотаться по каменным склонам и зеленым долинам Урала и быть готовым самому в любой момент превратиться в «мученика коммуны». И как бы ни были благодарны и возвышены мои стремления, но в эти дни первых боев сказывались существенные недостатки моего воспитания: я и портянку не умел завернуть как следует и не научился обращаться с саперной лопаткой. Единственно, что мне помогало в полевой жизни, так это то, что я вырос в этих горах, привык целыми днями бродить по ним и чевачить в лесу. Умел разложить костер и легко ориентировался на местности, что порою удивляло моего сурового начальника и воспитателя Кудрявцева.

...Оттуда, куда я шел, раздалась вдруг стрельба, совсем близко навалилась беспорядочная куча выстрелов, яростных криков... Ничего неожиданного в подобном роде эпизода не было. Белые не раз выжили именно этот глухой предвечерний час для нападения, и случилось, что мы не выдерживали.

Но маляры, видимо, выдержали, стрельба затихла, ухлила куда-то вбок, и когда я уже на рассвете, туманом и зябком, дошел до малярской роты, при мне с поля сражения принесли убитых и перележавших раненых.

Появился командир роты; он участвовал в преследовании белых и был равен, правая рука у него была на перевязи, рукав его австрийского образца куртки болтался аустой. Я представился ему по-русски, он с улыбкой, сразу украсившей его худощавое, угрюмое складно черное лицо, спросил меня:

— Говорите ли вы по-немецки?

— Да, говорю... — обрадовался я.

Его немецкая речь была своеобразна — вместо «с» он говорил «ш» и вместо «а» — «о», но понять его, можно было свободно:

— Ну вот тебе будет первое поручение, — сказал он, — сходи к вам и сообщи, что попали на нас белые казаки. Они пробрались через болото и расчистили, как вы нагулаеми, но мой ребята — руны херум! — по-командному резко сказал он, — взяли штыки в руки, и мы перекопали восемнадцать человек.

Я тут же выполняю поручение, сходил в нашу роту. А потом, уже при утрением солнышке, снова вернулся в расположение маляры, где отыскал командира роты, который приветливо кивнул мне, сказав что-то, указывая на меня, и мне принесил в котелке податые вкусным красным соусом куски мяса с картошкой — так впервые отведать я венгерский гуляш.

Маляры мне нравились. Это были все

любви, веселые и в большинстве своем молодые ребята, ко мне они относились дружелюбно, и хотя я их не понимал, они с большой охотой что-то рассказывали мне, весело хлопая по плечу и показывая кулаками куда-то в пространство, явно в направлении нашего общего врага. Впрочем, такие слова, как «Ленин», «Советы», «белые», «красные», «Интернационал» и «большевики», они знали.

Стемнело, зажгли костры... Командир роты, днем на несколько часов ухививший спать в землянку, сейчас весь превратился во внимание, и хотя ему, видно, трудно было после ранения, он несколько раз за ночь уходил проверить посты...

— Вам не пришлось повидать Ленина? — спросил он как-то, расположившись возле костра.

Я объяснил ему, что вырос здесь же, на Урале, и что хотя в Москве бывал, в Петрограде мне побывать не пришлось и Ленина видеть я не мог.

— Значит, здесь твоя родина? — спросил он. — Да, красивые места. Горы, леса и трубы заводов. Рабочий край. Быстрые реки и рудники... Когда мы шли сюда через город, — он имел в виду Назе-Петровский завод, — нам из каждого дома молоко и хлеб выносили. Сказать ничего другой мы не могли, ну, а когда милойленькая девушка, с ярким румянцем на щеках и таким же ярким платочком на голове, или старик, согнутый трудом всей своей жизни, глядя на тебя, что-то ласково говорят, — все понимаешь...

— А все-таки по родине своей вы, верно, скучаете? — спросил я.

Он помолчал.

— Скажу? Не то слово, — ответил он. — Отныне для социалистов всего мира ваша страна — это священная земля коммунизма. Как я могу скучать? Вот сила мы здесь с тобой, маляр и русский, и говорим по-немецки; вчера я тебя не знал, а теперь ближе тебя у меня нет человека, потому что ты — боевой мой товарищ! На Урале, только подумать! Я скучаю? — еще раз спросил он. — Я скучаю по тому времени, когда народ наш так же прогонит Аббабургов и Эстергази, как вы прогнали Романовых. И я уверен, что мы прогоним, потому что вы нам поможете! — весело сказал он. — Я своим ребятам так и толкую. Знаешь, с крестьянским братом по-другому говорить, чем с нашим братом, горюющим пролетарием. Слышишь, как они поют?..

До нас, действительно, доносилось тихое пение.

— Вот они скучают, — очень здесь все-таки непохоже на нашу плодородную равнину...

Хотя несколько раз поднималась стрельба и тогда разговор наш прерывался, но

в общем ночь эта прошла спокойно, и в тот же час на рассвете, туманный и холодный час, по той же тропинке, по которой пришел, я, по жару руку своему сослуживцу, ушел с своим.

Больше мы с ним никогда не встретились. Но за те сутки, которые я провел с малярами, народ этот, храбрый, веселый и гордый, стал мне словно родным, — ведь ничто так не роднит, как товарищество в бою.

И когда уже в начале двадцатидесятиго года докатились до меня вести о провозглашении Советской республики в Венгрии, словно вновь вспоминались мне ночной разговор с другим маляром, имени которого я так и не узнал. И так же, как в 1918 году на Урале, в трудные дни кровопролитных сражений, когда формировалась Красная Армия и братья маляры пришли нам на помощь, так же и весной 1919 года они самоотверженно отступили на себя силу наших врагов и снова помогли нам.

Революция в Венгрии! Это была великая радость для русских коммунистов, для крестьян и рабочих юной Советской страны, когда в Средней Европе поднимались два красных стяга — Советская Венгрия и Советская Бавария. И мы только ждали, что не можем в полную меру — так как были отрезаны многими фронтами и границами — помочь нашим братьям.

В замечательной книге Антонина Запотоцкого «Красное зарево на Балкане» рассказывается, как прибывший в 1920 году на конгресс Коминтерна в Москве представитель чешских рабочих Тонда встретился с Лениным, и чуть ли не первое слово, обращенное Лениным к Тонде, это был вопрос о Советской Венгрии. Ленин подвел Тонду к большой, висевшей на стене карте Европы, и по всему характеру их разговора видно, что Ленин из своего кремлевского кабинета своим орданским взором видел самое главное из того, что происходило тогда в Средней Европе, — видел борющегося против своих врагов молодую Советскую Венгрию, волновался за ее судьбу и как мог помогал.

Героническая Венгрия пала тогда под натиском врагов внутренних и внешних. Но наша кровная связь с венгерским народом, с венгерскими коммунистами стала еще более кровной. В 1922 году, познавшемся с Матэ Залкой, я сразу же рассказывал ему о своей встрече с венгерскими красноармейцами на Урале.

— Да, да, — подтвердил он. — И под Назе-Петровском, как и во многих других местах Урала, сражались красивые маляры. Я тоже мог быть там, мы могли с тобой там встретиться! — говорил он и повторял, как пароль, те же братские и великие слова: — Придет время, и вы нам поможете!

Шли долгие годы. В Венгрии установилась диктатура Хорти, но в Советском Союзе во всех областях культурной и по-

литической жизни работали венгерские коммунисты, эмигрировавшие к нам, на свою вторую родину. И никак нельзя тут не упомянуть доброго дорогого нашего товарища Беа Куня хотя бы потому, что с его помощью получили мы первый писательский дом в Москве — общежитие на Покровке, 3.

Венгерские коммунисты встречали в сельскохозяйственной коммуне «Коминтерн» в Таврических степях и среди строителей Днепростроя. Венгерские писатели, проживавшие в Советской стране, участвовали во всех наших спорах, их переведенные на русский язык произведения о венгерской революции, о венгерском народе читались у нас раньше, чем в Венгрии. Мы полюбили Петефи, а он Толстого и Пушкина, и не случайно, когда грянул 1941 год, в народном ополчении рядом со мной вышел на запад на борьбу с фашизмом друг мой Беа Илеш.

Никогда я не забуду, как он шел тогда, предвелевая тяжелую сердечную болезнь. Вот он, шатаясь, вдруг делает шаг в сторону и, чтобы не помешать маршу, валится в придорожную канаву.

Ничего, ничего, я только днем не могу идти. Я специалист по ночным маршам, — говорит он, отшучиваясь в ответ на мои увещания объявить себя больным и уйти из рядов.

Его подобрала санитарная машина. Но ненадолго. Никакие увещания не помогали. Оправившись, он опять появлялся в строю.

В Югославии началась партизанская война. Юрий, мы еще будем пить кофе в Будапеште и Белграде! — шутит он.

Илешу повсчастливилось, он дошел до Будапешта. Венгерские товарищи, из которых многие прошли школу пролетарской революции в России, школу строительства в нашей стране, стали осуществлять социализм у себя на родине. И когда контрреволюционеры всех мастей, пособники империализма, захотели оторвать венгерский народ обратно в лапы хортистского, фашистского режима, словно из далекой юности услышал я голос моего собеседника и его навеки запомнившийся мне пароль братства, в котором непосредственно выражена была мысль об интернациональной солидарности пролетариата:

— Сегодня мы помогаем вам, австра вы поможете нам!

Да, так же, как в 1918 году, хотя белогвардейцы с пеной у рта, надрынаясь, орали, что Советская власть в России держится на латышах и малярах, мы приняли братскую помощь интернационалистов, так же в 1956 году Венгерская Народная Республика приняла помощь Советской Армии, вопреки злобному вопю желтой прессы. Нам ли помогать венгры, мы ли помогаем им, — капиталисты всегда воют об одном и том же, а мы, коммунисты, во всех странах мира и на каком бы языке ни говорили, с презрением отмечаем их разногласий вой и идем в своей единой и великой цели!

Франсуаза Саган и ее французские критики

Господин Эмиль Анрио — маститый французский писатель, член академии, член жюри по присуждению литературной Премии критики, постоянный редактор обзорной газеты «Монд». Из-под его пера вышло множество различных произведений, в том числе и рецензия на новый роман двадцатилетней французской писательницы Франсуазы Саган «Смутная улыбка» (1956 г.).

Появление этого романа доставило господину Эмилю Анрио особое удовольствие. В качестве члена жюри Премии критики он голосовал в 1954 году за то, чтобы этой премии была удостоена первая книжка Франсуазы Саган «Здравствуй, грусть». В своей рецензии на «Смутную улыбку» почтенный академик не смог удержаться от того, чтобы не вспомнить, как он и его собратья стояли у колыбели славы молодой писательницы, в чей первой книге, «жужожной и беспоконной», с таким блеском романы были описаны переживания юной героини. «Некоторые нахмурились читателя, — вспоминает Эмиль Анрио, — желавшие припрятать хорошее чтение с хорошими нравами, мне довольно долго говорить потом, что решение, основанное на достоинствах формы, рискует погрешить против морали, и увенчанная книга не преминет создать за границей печальное представление о французской девушке 1954 года». Этим нахмурившимся читателем Анрио отвечал согласно принципу «искусство требует жертв». Возможно, что с моральной точки зрения не все благополучно в книге «Здравствуй, грусть». «...однако мадамусель Саган не окажет дурной услуги своей родине, показав, что у французской литературы тоже могут быть свои бестселлеры, просящиеся ее язык...»

Не знаем, в какой мере успокоил ответ Эмиля Анрио «нахмуренных читателей». Нам хотелось бы рассеять их беспокойство: на наш взгляд, ни первая, ни вторая книжки Саган не способны запятнать репутацию ни одной французской девушки. Это, однако, увы, совершенно не значит, что все связанное с именем писательницы, пересекшей границу французского языка и французской мысли.

Сюжетная канва «Смутной улыбки» (оставшаяся подробнее на этом романе) может быть изложена очень коротко. Доминика, героиня романа, знакомится с Люком, лидером своего возлюбленного Бертрана. Он предлагает ей провести с ним неделю во время каникул на юге Франции, когда его жена будет отдыхать у своих знакомых. Доминика, хотя она и знает, что ей потом

придется расстаться с Люком, принимает это предложение. После возвращения в Париж она некоторое время переживает вынужденный разрыв со своим любовником, а затем находит в себе силы, слушая музыку Моцарта, уловить в ней «...смерть, рассвет и смутную улыбку».

Краткий пересказ содержания рецензируемых книжек — тяжелая повинность, которую несут критики во всех странах. Этот пересказ сам по себе ничего не доказывает и ни о чем не говорит. Однако он необходим, хотя бы для того, чтобы познакомиться с героями книги. Ситуация, описанная нами выше, пожалуй, способна вызвать некоторое сомнение в справедливости нашего утверждения, что книги Франсуазы Саган не способны запятнать репутацию ни одной французской девушки. Это может показаться тем более сомнительным, что вся она почти вся французская критика в один голос торопится утверждать обратное. «Аморализм, в котором нет ничего способного нас удивить, на этот раз проявляет себя в попытке почти отталкивающих», — пишет Андре Руссо о «Смутной улыбке», давая самую высокую оценку «этому маленькому шедевру аналитического романа». «Я не хотел бы поведать успеху новой книги Франсуазы Саган, сказав, что она содержит меньше правды», — несколько иронично заявляет уже цитированный нами Эмиль Анрио. А в статье Эммануэля Берла в журнале «Табль ронд» речь идет уже не о репутации «французской девушки», а о репутации целой эпохи, «нашего времени». Парижа: «Смутная улыбка» — полная смирнина, лишняя веселости, тем более надежды, это улыбка нашего времени и нашего города...»

Короче говоря, дружными усилиями многих парижских критиков и литературных обозревателей, что для нас странно, было сделано все возможное, для того, чтобы превратить книгу Франсуазы Саган в лютый кусок для «антифранцузской» пропаганды. Здесь и юная представительница французской молодежи, «лишенная всякой веры в жизнь и даже иллюзий, что жизнь имеет какой-либо смысл», здесь и «...чуждая отчаянный и отчаяющийся, восходящий к философии «Экзистенциализма», здесь и тоска «не только одного класса, одного подрастающего поколения, но целого континента, культуры общества, связи которого распадается, а божества тягостно к автоматизации...». Можно было бы привести и еще более горестно-восторженные оценки, высказанные в связи с книжками Саган, говорящие об аморальности некоторых слоев французской молодежи, о распаде общества, цивилизации и т. д.

Эти выводы, вероятно, заслуживали бы внимания, если бы они были сделаны на основании книг, действительно глубоко ставящих подобную дилемму, но в качестве выводов из романов Франсуазы Саган они лишены всякого смысла, ибо каждый вдумчивому читателю ясно, что сам характер, манера, в которой написаны эти книги, не позволяют вести серьезного разговора о каких бы то ни было сторонах общественной жизни во Франции.

Тысячу раз правым представляется нам писатель Гиерри Монье, восклицая в полемике с Эммануэлем Берлом: «Не будем углублять. В особенности не будем углублять». Углублять содержание книг Франсуазы Саган, разумеется, можно, но достаточно поставить при этом вопросы лишь несколько глубже, как мы немедленно утрачиваем связь с тем, что написано самой писательницей: мы сопереживаем с жизнью, с действительностью, то есть с той областью, с которой Франсуаза Саган не хочет иметь никакого дела. «Искусство», — говорит она, «излагая свое эстетическое credo, — не должно, как мне кажется, заниматься действительностью». Художественное произведение, с ее точки зрения, — это «серия мгновений, связанных между собой основным настроением».

Исходя из этого последнего правила, молодая писательница пишет свои книги, — в особенности это ощущается в «Смутной улыбке», — как своего рода алгебраические уравнения. С одной стороны знака равенства «основное настроение — грусть, тоска, скука»; все, что находится с другой стороны: действующие лица, их мысли, их поступки, — должно быть выписано так, чтобы уравнение не было нарушено. При решении уравнения не возникает вопроса, почему икс равняется тому-то или тому-то, — равенство задано в самом условии. При чтении «Смутной улыбки» нет никакой возможности понять, почему героиня с первой до последней страницы находится во власти скуки, в чем выражается ее «неустойчивость» в жизни. Это не «Утраченные иллюзии» или «Воспитание чувств». Здесь ничего не утрачивается и ничего не воспитывается в столкновении героев с обществом.

Читатель вправе, однако, задать нам вопрос: но ведь все-таки что-нибудь да происходит на страницах романа? Ответим на него эпитафией к «Смутной улыбке»: «Любовь — это то, что происходит между двумя людьми, которые любят друг друга» (Роже Вайян). Размышляя над этой формулой и выбрав ее для своеобразного ключа к роману, Франсуаза Саган не обращает никакого внимания на то, что речь идет о людях, и следовательно, их образы должны присутствовать в книге о том, как «происходит любовь». Образов

людей в романе нет. Так что же может происходить и какое значение может иметь то, что происходит?

«Этот роман не более чем балет абстракций», — сказал о последней книжке Саган французский критик Паскаль Пиа.

Мы находим это определение очень важным и очень точным. В нем хорошо обозначена та опасность, которой подвергается критик, употребляя при разборе книги Саган конкретные, насыщенные определенными социальными содержанием слова.

Здесь можно легко впасть в заблуждение, написав даже такую простую фразу: «Героиня книги Доминика, студентка, оставляет своего возлюбленного Бертрана, тоже студента, и вступает в связь с его яглей, Люком, путешественником». Все как будто бы и верно, и в то же время совершенно неверно. Прочтав книгу, мы ничего не узнаем о Доминике как студентке, Бертране как студенте, Люке как путешественнике. Один-два раза на страницах романа они снабжены этими определениями, но ничто в их действиях, мыслях и чувствах не связано, не обусловлено их общественным положением.

С немалой ослотрительностью приходится говорить о «Смутной улыбке», выбирать и слова, обозначающие человеческие чувства. На страницах книги мы вступаем в мир, где все они извращены. Было бы непоследово, скажем, написать, что в начале романа Доминика любит Бертрана. Разве подходит слово «любить» для передачи того, что обещано Доминикой в такую «язвочную» фразу: «Я думала иногда, что это соединение muscular, рефлексов, матовой кожи принадлежит мне, и это казалось мне удивительным подарком». Не менее рискованно было бы называть объяснением в любви такой разговор между Люком и Доминикой, выходящий из следующей фразы: «Вот знает, что вообще не люблю молодых девушек. Но мы с вами по-прежнему друг на друга. В общем, я хочу сказать, что это не будет ни очень глупо, ни слишком банально. А это редко. В общем, подумайте».

«Хорошо, — сказала я, — я понимаю». Если мы напишем, что Доминика «терзалась затем сомнениями», дав такое объяснение Люку, то применительно к роману это будет означать следующее: «Мне представляло интерес лишь один из этих глупых маленьких девичьих конфликтов; я выросла в своих глазах. Ко всему этому был причастен женатый мужчина, другая женщина, целый маленький квартал, который завязывался в эту парижскую весну. Из всего этого я сделала прекрасное сухое уравнение, как нельзя более циничное».

Мы дали эту последнюю, более пространную цитату из романа также и для того, чтобы читатель мог сам судить о формах «самоанализа», которому подвергает себя героиня на протяжении всей книги. Если вынуть этот самоанализ, возникающий по всякому поводу и без повода, то роман сократился бы до размеров балетного либретто. Но «выкидывать», конечно, нельзя, ибо именно из мелких пучин этого самоанализа некоторые французские критики извлекают самые глубокие выводы.

«Моя жизнь протекала, я ничего не делала, я поспеивалась», пишет Франсуаза Саган несколькими строками ниже приведенного отрывка. И Андре Руссо, литературный обозреватель «Гигаро литерар», снабжает эти слова глубокомысленным комментарием: «Скорбь Доминики создана из целого ряда дней, лишенных надежды и даже иллюзии на то, что жизнь имеет смысл». Нигде, ни на одной странице романа, героиня никак не посвящает свой разнообразный досуг размышлениям над столь серьезными материями...

В конце книги, уже покинутая Люком, Доминика знакомится со студентом Аллем. Она рассказывает ему о себе: «Мы ходили целые километры пешком, и он рассуждал о моей страсти, как о литературном предмете». Доминика казались, что юная испытывает к ней некоторое участие. «О, нет», — ответил он ей, — я собираюсь писать диссертацию о страсти. Я — заинтересованное лицо».

Закрывая роман, невольно вспоминаешь этот разговор. Сама книга представляется читателю такой довольно искусно беллетризованной диссертацией, где описаны «опыты над страстью», произведенные в искусственно созданном вакууме из которого удалено все, что связано с подлинной жизнью. Какой бы характер ни носила сама себе эти «эксперименты», они производятся в настолько «разоблащенном» среде, что судить о них с общественной точки зрения, в частности о моральности их или аморальности, попросту невозможно.

Разумеется, приоритет в создании этого социального вакуума в искусстве принадлежит французской культуре, начиная от прустовских романов «поток сознания» и кончая абстрактной живописью и различными сюрреалистическими школами в поэзии. Секрет успеха Франсуазы Саган во Фран-

ции, на наш взгляд, определяется тем, что она сумела в этом направлении достичь некоей, не скажем, золотой, но коммерческой, середины: искусство, с которым она создает пустоту, вызывает восторг литературных любителей, то, чем она эту пустоту заполняет, угоджает самым неприязненным, а вернее сказать, дурным вкусом.

«Смутная улыбка» разошлась во Франции в 1956 году тиражом свыше 450 тысяч экземпляров, «оторвавшись» на 300 и даже 400 тысяч экземпляров от других книг, имеющих успех у читателей. Если предположить, что покупатели эти и есть читатели, то из сопоставления приведенных цифр довольно напрашивается вывод, что огромные, подавляющие большинство читателей Франсуазы Саган — это люди, вообще-то говоря, не интересующиеся никакими другими книгами. Что же привлекало их к «Смутной улыбке»? Достоинства формы или те «ярнкости», о которых с такой итргивностью писал почтенный Эмиль Анрио, не желая «повредить успеху новой книги Франсуазы Саган»?

Во всех странах самым жадным читателем является молодежь. Франсуаза Саган — молодая писательница. Ее героиня также молодая. Казалось бы, что в силу этих обстоятельств романы Саган должны пользоваться особым успехом у французской молодежи, в частности у студенческой (три персонажа в книжках Саган — студенты). Но, странное дело, в той же газете «Нувель литерар», откуда мы почерпнули данные о тираже «Смутной улыбки», печатается сейчас анкета «Сегодняшняя молодежь» — завтрашняя Франция. Это — беседы журналиста Анри Перрюшо со многими студентами. В каждой беседе заходит речь и о литературе. Студенты рассказывают журналисту о своих любимых авторах. Ни в одной из этих бесед не было упомянуто имя Саган. Но зато мы узнали из них много интересного о французском студенчестве.

Нам запомнился разговор журналиста с Элизабет, студенткой исторического факультета Сорбонны. «Я считала очень важным, — сказала она, — чтобы у студентов были хорошие преподаватели. Я хотела бы стать одним из них. Я хотела бы, чтобы они любили историю. Если люди будут лучше знать историю, они будут лучше разбираться в событиях своей жизни». Мы очень ждали, что Анри Перрюшо не спросит у Элизабет, что она думает о «бестселлерах» Франсуазы Саган.

Н. РАЗГОВОРОВ